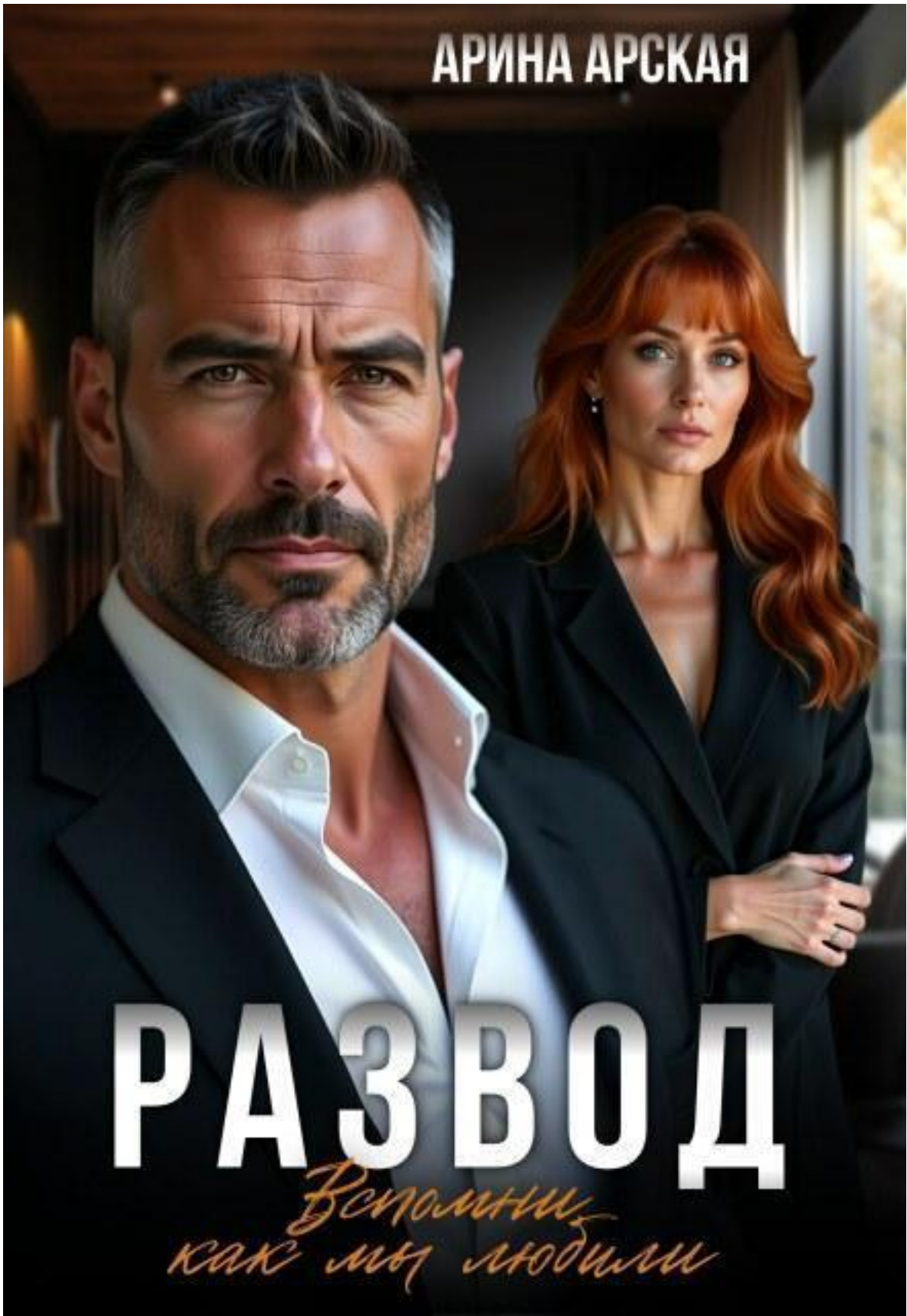

АРИНА АРСКАЯ

РАЗВОД

*Вспомни
как мы любили*

Арина Арская

Развод. Вспомни, как мы любили

«Литнет»

2023

Арская А.

Развод. Вспомни, как мы любили / А. Арская — «Литнет», 2023

— Я полюбил другую женщину, — говорит Виктор. И я роняю ложку.
Звон. А затем на пол летит и ведро с мороженым. Глухой стук. Дверца морозильника медленно покачивается. — И я... — Виктор тяжело вздыхает, — я так больше не могу, Маш. Дочери-тройняшки. Выстраданные и рожденные в любви. Дом — полная чаша. Годы борьбы за наше благополучие. Мне и мужу под сорок. И он говорит, что полюбил другую.

Содержание

Глава 1. Я полюбил другую	5
глава 2. Ты отказываешься от меня	8
Глава 3. Ты мать моих детей	11
Глава 4. Все хорошо было у меня	13
Глава 5. Воодушевление?	15
Глава 6. Катись отсюда	17
Глава 7. Иначе я не могу	20
Глава 8. Это блажь	22
Глава 9. Мир, война и шпинат	24
Глава 10. Складываю лапки	27
Глава 11. Я вас слушаю	29
Глава 12. Иди сам все говори	31
Глава 13. Говори!	33
Глава 14. Оставь их	35
Глава 15. Приложили головой	37
Глава 16. Мир тесен	40
Глава 17. Я ничего не знала	42
Глава 18. Даже удивительно	44
Глава 19. Выпьем чаю?	46
Глава 20. Четверки-пятерки	48
Глава 21. Фигня полная	50
Глава 22. Я свой выбор сделал	52
Глава 23. У тебя с бывшей проблемы?	54
Глава 24. Мы забыли домашку	57
Глава 25. Зануда Воронин	60
Глава 26. Я сейчас уйду	63
Глава 27. Проваливай	65
Глава 28. Не мое дело	68
Глава 29. Тебе советы не раздать	71
Глава 30. Вот как с таким жить?	74
Глава 31. Вулкан	78
Глава 32. Вот это страсти	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Глава 1. Я полюбил другую

— Я полюбил другую женщину, — говорит Виктор.

И я роняю ложку.

Звон.

А затем на пол летит и ведро с мороженым.

Глухой стук. Дверца морозильника медленно покачивается.

— И я тебе не изменял, Маш, — Виктор сдержанно выдыхает.

Извилины в мозгу перекручиваются в пульсирующий узел.

Он решил заехать посреди рабочего дня домой за тем, чтобы сделать убийственное признание?

И я не знаю, как я сейчас должна реагировать на его слова.

Закричать?

Заплакать?

Упасть в обморок?

Перевернуть стол?

— У нас ничего не было, — Виктор смотрит на меня и взгляда не отводит. — Но я на грани, Маш.

— Что?

— Маш, — он встает и делает ко мне несколько шагов.

А я оцепенела и пошевелиться не могу.

Закрывает дверцу морозильника, поднимает ведро с мороженым и ложку. Отставляет в сторону и приваливается к краю стола, опустив взгляд.

— Я... — он вздыхает, — я так больше не могу, Маша. Она просто не выходит из головы. Я пытался, Маша. Я оборвал все контакты, и она даже ушла с работы...

— Прошу, прекрати...

— Маша, я не думал, что все так выйдет у нас, — поднимает взгляд. — Ты мой самый родной человек, мать моих дочерей, и я люблю тебя, но это другая любовь. Понимаешь?

— Нет.

— Я уже забыл, что может быть так, — он слабо улыбается, — когда сносит крышу, когда хочется творить глупости и ночами гулять. Когда изнутри рвет, Маш.

— Я не хочу этого слушать.

Мне бы уйти, а я все еще не могу пошевелиться. Мышцы одеревенели.

— Я запутался, Маша. Я столько бабла трачу на мозгоправа, а толку никакого. Я будто одержим, — шепчет он. — И мы пришли к тому, что я должен сказать правду.

Я медленно моргаю и пытаюсь сделать вдох, но грудь сперло.

— И я не хочу терять семью, Маш.

Нервный и истеричный смешок. Он вылетает каким-то ледяным плевком из глотки, и я кашляю. Прижимаю ладонь к губам:

— Ты головой ударился?

— Вероятно. Я реально будто схожу с ума, Маша.

— А легче тебе стало? — едва слышно спрашиваю я.

— Да.

Я плетусь мимо Виктора и медленно опускаюсь на стул. Открываю ведро мороженого с тихим щелчком. Тянусь к ложке, которую Виктор забирает и кидает в раковину.

Выдвигает ящик, и через секунду протягивает чистую ложку, ребро которой вспыхивает в солнечном свете.

И это забота на автомате. Это как вытереть сопливый нос ребенку, который чихнул, платком.

Поднимаю взгляд на Виктора, который стоит рядом с протянутой ложкой, и медленно вытягиваю ее из его пальцев.

Любит другую?

Это как вообще?

Разве такое возможно?

После двадцати лет брака, который был заключен по любви?

Да, мы уже не восторженные восемнадцатилетки.

У нас за плечами множество неудачных попыток зачать детей, эко, одиннадцатилетние девочки-тройняшки, падения до макарошек с луком и взлеты до дорожного отдыха в отдельных виллах на Мальдивах.

Мы шли плечом к плечу, перли, рвали жилы, а сейчас...

Я люблю другую?

Даже не признание в измене.

Нет.

Я получила признание в любви к другой женщине, которая не телом овладела, а его мыслями и душой.

— Я тебе не верю, — погружаю ложку в ванильное мороженое.

— Маш, давай поговорим, как взрослые люди, — голос у Виктора тихий, — нам сейчас это нужно. Мне нужно.

— А мне нет, — отправляю в рот ложку мороженого.

Зубы ломит, и боль проникает в челюсть.

Двадцать лет брака.

Путь от съемной комнаты у старой бабульки до большого коттеджа в элитном районе.

Путь от бессонных ночей с подработками до крепкого бизнеса.

Путь от пустых кошельков до внушительных счетов в банке.

Путь от бесплодия до трех дочерей.

Путь от громкой и решительной надежды до молчаливого и безвольного отчаяния.

Я хочу умереть.

— Маша...

— Чего ты от меня хочешь? — смотрю перед собой. — Чтобы я тебя излечила от твоей новой любви?

Молчит, и я опять смотрю на него.

— Другие мужики эскортниц натягивают, а ты у нас... Какой-то странный.

Это все, что я могу сказать.

Что толку кричать и верещать, что он козел и мерзавец. И не смысла швыряться в него мороженым.

Он любит другую, а я...

Кто я? Жена, которая перестала быть для мужа женщиной. Я привычка, от которой сердце не рвется из груди, и не занимает мысли ночами.

В моем кармане вибрирует телефон.

На экране моська Нади, которая вызывает меня по видео-звонку. Люблю эту фотографию. Улыбка до ушей, волосы растрепанные, а на щеке божья коровка.

— Привет, — принимаю вызов.

— Мама! Мам! Привет!

Мои девочки перебивают друг друга, машут руками, пытаются все поместиться в кадр.

— Тут так круто, мам! Смотри! — Лиза выхватывает у Нади под ее крик телефон и показывает огромный бассейн, а затем наводит камеру на пальмы. — Смотри какая красота!

— Дай! — взвизгивает Даша и заглядывает в камеру. — А бабушка уже с коктейлем. Смотри!

— Да я такая, — говорит в камеру моя свекровь Валентина и плавно пританцовывает у шезлонга в прозрачном парео. — Бессовестная.

Девочки смеются, и опять все втроем заглядывают в кадр:

— Надо еще папе позвонить.

— А он тут, — с трудом улыбаюсь.

— Да?! Прогуливает работу?

Передаю телефон Виктору и возвращаюсь к мороженому.

— Пап! Па! Смотри!

— Витя, ты чего не на работе? — спрашивает Валентина. — У тебя же сегодня вроде встреча с инвесторами? Нет?

Точно. Сегодня же девятнадцатое. Как странно работает наш мозг после плохих новостей. Теряется в датах, времени и пространстве, и обрубает все мыслительные процессы.

— Я перенес встречу, — глухо отвечает Виктор.

Визг, плеск воды и хохот.

— Надя, ты тоже прыгай в воду, давай! — смеется Валентина. — Прямо с разбега! Бомбочкой!

Опять визги и смех, а я откладываю ложку и накрываю лицо рукой.

— Пап, видел?

— Видел, — Виктор отвечает с наигранной веселостью.

— Ба! — кричит Лиза. — Теперь ты! Я сниму и тебя!

— А у меня коктейль, — кокетливо отвечает Валентина. — Мне нельзя. Давай мне телефон и сама прыгай. Давай покажи, как надо прыгать. Ага, все держу.

По одну сторону — шок и растерянность, по другое — восторг и веселье.

— Все, Вить, отключаюсь, — говорит Валентина. — Вечером еще раз звякнем. У нас все хорошо.

А у нас — нет.

— Маш, пока! — повышает голос Валентина. — И я жду от тебя заказов, что тебе привезти! И ответ “мне ничего не надо” не принимается. Сама не скажешь, так я на свой старушечий вкус накоплю всякой фигни!

Виктор сбрасывает звонок, откладывает телефон и медленно выдыхает.

— Ты поэтому их отправил на две недели на отдых? — шепчу я. — Чтобы не мешались?

глава 2. Ты отказываешься от меня

— Я не знаю, чего ты ждешь, — закрываю ведро мороженого, — кроме развода, дележки имущества...

И самой противно от своих же слов.

Меня не должна была коснуться такая ситуация. Это какой-то бред.

И как-то у меня все происходит нетипично.

Мужики обычно тянут баб в койку, а потом уже жена случайно с этим сталкивается. Приходит раньше с работы или узнает все через переписку.

А у меня муж физически не изменял, но влюбился.

И, похоже, влюбился, как подросток, у которого мозги текут от гормонов.

— Или ты залупишься сейчас и устроишь мне увлекательный вираж с разводом, судами, скандалами? — разворачиваюсь к молчаливому Виктору.

Ножки стула неприятно скрипят о белый кафель.

— Нет, — качает головой. — Маш, я понимаю... Слышать такое... Мне самому тошно. Я не вижу выхода.

— Если это великая любовь, то надо лететь к своей любимой птичке, — смеюсь я. — Нет? Или как? Вить. У тебя сердечко рвется из груди, спать ночами не можем, к жене остыл и видишь в ней... то ли мамку, то ли сестру...

Перевожу дыхание и рявкаю:

— Что ты смотришь на меня так?! Это развод! Виктор! Не хочет он терять семью! Или я должна дать тебе разрешение пойти налево с твоей любимкой?

— Я этого не говорил.

— Да вот только я тебя не понимаю, — сжимаю ложку. — Очень, конечно, благородно, что ты у меня такой совестливый не затащил свою любовь в койку! Мне от этого легче должно стать? Чего ты от меня ждешь?!

Встаю, резко отодвигая стул.

— Двадцать лет, Виктор! Я с тобой двадцать лет! — откидываю ложку. — А у тебя новая любовь нарисовалась? У нас трое дочерей!

— Я в курсе, — сводит брови вместе до глубокой морщинки на переносице.

Я кидаюсь к окну, как загнанный зверь, прижимаю ладонь ко рту и дышу через нос. Медленно и судорожно.

А затем разворачиваюсь к Виктору:

— Кто она?

Да, я хочу знать, кто моего мужа так очаровал, что он вошел в фазу второй дикой молодости, которой наплевать на детей, жену, двадцать лет брака.

Какая-нибудь малолетка? Красивая, юная, с гладкой кожей и без лишнего грамма жира?

— Что ты молчишь? Ты же хотел серьезного разговора по-взрослому!

— Я не думаю, что это тебе как-то поможет сейчас.

— Говори, — цежу я сквозь зубы, — я ее, похоже, знаю, раз ты сейчас хвост прижал.

— Махатова Лариса, заведующая отделом логистики, — Виктор смотрит на меня исподлобья.

— Ты, мать твою, издеваешься...

Нет. Это не юная красотка-практикантка. Не молодая хищница-секретарша.

И да, Ларису я знаю. Не близко, но мы пересекались с ней на нескольких корпоративах. И да, она недавно ушла, и Виктор искал ей замену.

Я думала, что он был расстроен ее увольнением, потому что она хороший спец, а на деле оказалось, что он влюбился в нее.

Женщина она одинокая. Тридцать пять лет. Красивая и ухоженная. Очень приятная в общении, тактичная и сдержанная. И, наверное, умная, раз стала заведующей целого отдела, который занимается логистикой.

Но и я ведь не дура.

И не уродина, чтобы у Виктора была отмазка, что я себя запустила и поэтому его внимание переключилось на “богиню”.

— Маш, мне жаль.

— И это ты будешь говорить нашим дочерям, что разлюбил их маму, — глухо рычу я.

А затем я срываюсь на крик. Просто кричу на Виктора, который медленно сглатывает, принимая все мое отчаяние и ярость.

— Двадцать лет! И вот так ты решил мне отплатить?!

Я кидаюсь на него, толкаю в грудь, и слезы застилают глаза мутной пеленой.

— Влюбился?!

— Маш...

— У нас три дочери! Нам под сорок! Тут не влюбляться надо! — бью его в грудь! — Мерзавец!

Я отталкиваю его и бросаюсь прочь из кухни.

— Маша! — он следует за мной твердым шагом. — Ты куда?!

— Пошел к черту!

Лучшие годы потратила на него! Какая банальность и какая правда в этих словах! И я не могу описать то, что чувствую сейчас. Меня просто рвет на части. На кровавые ошметки.

Виктор полюбил другую.

— Прекрати, — он хватается меня за руку в прихожей и рывком разворачивает к себе, чтобы потом прижать к стене. — Возьми себя в руки.

— Ты возьми себя в руки! — кричу ему в лицо, и слюна брызжет на его мрачное и бледное лицо. — Хотя уже поздно! Самое время валить к своей прошмандовке! Либо ты уйдешь, либо я! Видеть тебя не хочу!

— Я тебе не изменял!

— Да лучше бы изменял! Лучше бы у тебя была тупая молодая содержанка для хорошего настроения!

— Не в моем характере!

Под мои крики тащит в гостиную, игнорируя мои неловкие и слабые удары.

— Маша! — кидает меня на диван. — Я тебе из дома не выпущу в таком состоянии! Ты взрослая женщина! Успокойся!

— Заткнись! — взвизгиваю я. — Взрослая женщина?! Да! Невероятно взрослая! Под сорокет! Решил оставить меня с тремя дочерьми, а сам навстречу новой любви?! К свободной женщине!

— Я так не могу жить! — повышает голос. — Понимаешь?! Я хотел переболеть! Но у меня не выходит, Маша! Меня переклинило!

И смотрит на меня так, будто ждет, что я взмахну волшебной палочкой и исцелю его от наваждения. Или как минимум с пониманием улыбнусь ему. Или дам зеленый свет на любовь на стороне.

Он этого ждет?

— Это развод, Виктор, — шепчу я. — И люби кого хочешь.

— Мы должны сейчас оставить эмоции в стороне.

В груди дыра. Черная, бездонная дыра, которая засасывает меня в дикое отчаяние.

— И я не отказываюсь от дочерей, Маш.

— Ты отказываешься от меня, — шепчу я, вглядываясь в его темные глаза. — Нет. Ты уже отказался. Я столько прошла с тобой, столько пережила... А ты...

— Сердцу не прикажешь, Маш, — садится на подлокотник кресла и закрывает глаза. —
К этому разговору я шел полгода.

Глава 3. Ты мать моих детей

— Я и от тебя не хочу отказываться, — Виктор хмуро всматривается в мои глаза. — Ты останешься для меня близким человеком, другом и матерью моих детей. Двадцать лет не вычеркнешь из жизни.

— Да ты ополоумел... После всего остаться друзьями?

— У меня не было романа на стороне, — Виктор медленно выдыхает. — Я повторяю это в который раз. Я ценю и уважаю тебя, поэтому я пытался переболеть, но у меня не выходит. Я не приходил к тебе от другой женщины! Ясно? Я честен с тобой!

Меня продолжает трясти. Я хочу проткнуть себе барабанные перепонки, или даже пробить череп и уйти в нокаут, чтобы не слышать слова Виктора.

— Ты не должна видеть во мне врага, Маша. И это все касается только нас двоих, Маша, — Виктор медленно выдыхает. — Я не хочу войны между нами. Услышь меня. Я обещал тебе, что не потащу грязь в нашу постель. И ее не было. Никакой интрижки на стороне, ни тайных встреч. Ничего этого не было.

— Но ты этого хотел! Ты представлял другую женщину, когда было со мной! — нервно смеюсь.

— Да, ты уже сказала, что поняла бы измену, но тогда к чему были все эти разговоры о том, что я должен быть честным с тобой?! А? Что лучше признаться и разойтись без грязи?

Я аж задыхаюсь. Меня бросает то в холод, то в жар.

— Вот я и хочу, чтобы ты сейчас оставил меня, — шепчу я, а затем вновь повышаю голос. — Мы расходимся! Ты молодец! Честный молодец! Не сунулся в чужую дырку! Я восхищена! — пальцы дрожат, поэтому сжимаю кулаки. — Я горжусь твоей стойкостью и принципиальностью!

Когда я говорила, что мужчина должен быть честен с женщиной в вопросе измен и душевных метаний, то я была лишь теоретиком. Рассуждать с умным видом — это не то же самое, что прожить жизнь. Я же не думала, что мой муж остынет ко мне.

Я была в себе уверена. Я не та женщина, которую можно разлюбить.

Я — умница, красавица и далее по длинному списку моих достоинств.

Я думала, что наши чувства с ним прошли проверку временем, а оказалось, что я жестоко ошиблась.

— Господи, — накрываю лицо руками и медленно выдыхаю, пытаюсь сдержать в себе слезы.

Как горько.

Как обидно.

Как больно.

Некоторые любят говорить, что мы не должны винить тех, кто разлюбил и что такое случается. Это жизнь и она непредсказуема. Вероятно, это люди не сталкивались с реальностью, в которой муж после многолетнего брака говорит о любви к другой женщине.

И мне надо с пониманием к этому отнестись? И согласиться, что в жизни всякое случается и не надо видеть в нелюбви мужа трагедию, потому что мы такие сложные существа?!

Откинь, Маша, все годы и подари мужу мягкую улыбку, ведь ты должна быть благодарна ему за прошлое, которое теперь ничего не стоит.

— Ты должен уйти, — сглатываю болючий ком и вытираю щеки от слез, — либо я уйду.

Виктор огрел меня по голове кувалдой, и сейчас кроме паники и боли рядом с ним я ничего не чувствую.

Если прожить такую новость, то в одиночестве.

— Я понимаю, но я боюсь оставлять или куда-то отпускать тебя сейчас одну, — Виктор хмурится.

— Засунь свою заботу себе в одно место! — я срываюсь на крик и вскакиваю на ноги. — Козел!

А дальше меня клинит. Я ухожу во тьму, в которой слышу грохот, свои крики. Я гроплю гостиную.

Срываю шторы с окон, скидываю вазы и статуэтки с комода, из которого вырываю ящики. Я кричу и кричу.

И эти крики — поток крови из моей души, которую вспорол Виктор честным признанием.

Скидываю с подоконника горшки с цветами, которые сегодня утром поливала из симпатичной фарфоровой чашечки и мычала под нос незамысловатую мелодию.

Еще утром я была счастлива, а сейчас умираю на острых ржавых прутьях.

Виктор внимательно и напряженно следит за мной.

Конечно, кто-то скажет, что когда мужчина говорит, что разлюбил, надо держать себя в руках, но пошли-ка они далеко и надолго.

Не буду я милой и спокойной, когда меня мягко толкнули в обрыв. Моя жизнь разрушена, мое сердце раздавлено под носком туфли из кожи австралийского бычка, а на шею накинули удавку из шелкового галстука, который я сегодня с улыбкой завязывала Виктору.

Вот почему он сегодня и в другие дни так смотрел на меня. Задумчиво и пристально.

Я принимала этот взгляд за любование моим прекрасным ликом, а на деле он видел во мне осточертевшую ему за двадцать лет бабу.

Бабу, которая потеряла юность. Бабу, которая перед сном мажет лицо антивозрастным кремом после питательных масок. Бабу, которая обсуждает с тобой бытовые вопросы и тиранит, что, наверное, пора делать в доме ремонт, и ему надо искать бригаду и хорошего прораба.

Бабу, чье тело он изучил за все эти годы вдоль и поперек.

И нет. Красивое белье и соблазнительные платья с чулками не помогли мне сохранить его любовь, как к женщине. Все эти хитрости, о которых пишут якобы гуру отношений, не нюхали пороха и понятия не имеют, о чем говорят.

И туда же в топку летят свиданки, которые Виктор устраивал нам пару раз в неделю последний год. Видимо, начитался всего этого дерьма и пытался реанимировать наш брак.

Я-то была в восторге.

Я наслаждалась нашими вечерами в ресторанах, близостью в номерах отелей, прогулками, цветами и с выдумкой наряжалась в кружева, пыталась удивить Виктора смелыми ласками, и верила, что у нас новый виток страсти. Зрелой, глубокой и настоящей.

— Проваливай! — с рыком вынырываю из красно-красной ярости посреди хаоса. — Оставь меня! Христом Богом прошу, Виктор!

— У нас есть две недели до возвращения наших дочерей, Маша, — Виктор не отводит от меня взгляда. — За эти две недели мы должны прийти в себя. Кричать друг на друга, бегать... Это не выход. Нам должны помочь перешагнуть через все это.

Слышу будто сквозь толстое ватное одеяло трель домофона.

— Я знал, что ты вряд ли согласишься после такого разговора поехать со мной на встречу с психологом, — Виктор одергивает рукав пиджака и смотрит на наручные часы. — Поэтому она состоится в родных стенах, — поднимает взгляд. — Прошу, Маш, давай будем разумными людьми.

Глава 4. Все хорошо было у меня

— Я так понимаю, сложный разговор состоялся, — в гостиную входит полная женщина лет пятидесяти. — Я Лидия.

Лицо круглое, мягкая улыбка, крупный нос, очки в тонкой металлической оправе, брючный костюм из светло-серой шерсти.

— Как вы, Мария?

— Вы должны уйти, — шепчу я. — Немедленно.

— Первый гнев вы выплеснули, — гостя оглядывает гостиную и через несколько секунд уже сидит в кресле. — Я не враг.

— Убери ее отсюда! — рывкаю на Виктора, который застыл мрачной тенью в проеме двери. — Это касается только нас! Ты сам это сказал!

— Вам важно выговориться.

— Выговориться?! — перевожу дикий взгляд на Лидию и криком повторяю. — Выговориться?! Да у меня только маты на языке!

— Я и их выслушаю.

— Мой муж меня разлюбил!

— И что вы чувствуете?

— Я хочу его убить! — тычу в ее сторону пальцем. — Вот что я чувствую! И он еще смеет стоять тут!

— А где он должен быть?

— У той, кого любит! У той, от которой его душа поет! — рычу я. — Пусть валит к ней, а не мучает меня! Я не за этим вышла за него замуж, чтобы в тридцать восемь лет получить вот такое!

— Вы боитесь? — мягко спрашивает Лидия. — Чего?

— Вы об этом на полном серьезе спрашиваете? — в растерянности вскидываю бровь. — Не придуривайтесь? Мой муж, которого я люблю, — отрезаю каждый слог четко и зло, — полюбил другую женщину! А меня можно выкинуть на помойку, как отработанный материал!

— Это его слова?

— Нет, — цежу слогу сквозь зубы. — Но это подразумевается. Разве нет?

Перевожу взгляд на Виктора, который шагает к дивану и садится.

— Нет, — глухо и хмуро он отвечает. — Никто не выкидывает тебя, как ты сказала, на помойку.

— Ты... — в отчаянии смеюсь. — Ты меня ко всему прочему решил и душой выставить? И истеричкой? Она тут, — вскидываю руку в сторону Лидии, — не нужна! Какой ты продуманный козел! Дочерей на отдых, психологу заплатил! И типа мы должны с миром разойтись? Может, еще обнимемся, всплакнем? А после друг другу вытрем слезки, и я еще буду дружить с твоей новой гадиной?!

— Гнев — это нормально...

— Заткнись! — гаркаю на Лидию, которая сдержанно улыбается. — Он, наверное, неплохо так тебе заплатил, чтобы ты тут вещала о гневе и моих чувствах! Он оставит меня с тремя детьми и пойдет строить новую жизнь!

— Я опять спрошу, — Лидия непростительно невозмутима, — это его слова?

— Нет, — вздыхает Виктор и откидывается на спинку дивана.

— Да ладно, — разворачиваюсь к нему и усмехаюсь. — Девочки с тобой, что ли, будут жить? А как же строить новую любовь?

— Если мы придем к тому, что девочки будут жить со мной, то я не буду против, Маш, — Виктор смотрит на меня прямо и открыто. — Я их отец. И я их люблю.

— Еще и детей решил у меня отобрать?!

— Да где же ты, Маша, это услышала в моих словах? — Виктор приподнимает бровь. — Не надо додумывать того, что у меня и в мыслях нет! Нет этого! Я не хочу отнимать у тебя дочерей, не хочу быть с тобой врагами! Мне жаль, Маша! Если ты считаешь, что мне сейчас легко, то ты глубоко ошибаешься! Но это было бы неправильно быть твоим мужем, когда...

— Когда ты не любишь меня?! Когда тебя тошнит от меня?!

— Это не мои слова! — Виктор повышает голос.

— Вы бы предпочли прежнюю жизнь без правды, Мария? — Лидия опять лезет со своими правильными и умными вопросами. — Счастье во лжи?

— Да что ты лезешь...

— И вы действительно не замечали изменений в муже?

— Нет! — вскрикиваю я. — Я думала, что у нас все хорошо! Изменения были! Но не те, которые бы меня могли натолкнуть на мысль, что он меня разлюбил! — я смеюсь. — Завтраки в постель, цветы, свидания! Близость! Он не задерживался! Не раздражался! Мы не скандалили! Не спорили! Да, у меня все было хорошо!

— У тебя, — Лидия ласково улыбается, — у тебя было хорошо.

И ком в горле взрывается. Я падаю в кресло в рыданиях, осознавая, что это конец.

Все было хорошо у меня.

Но не у моего мужа.

И последний год я была для него не радостью, а наказанием. Чувством вины, сожалением и самое главное — отчаянием.

Могло ли быть у нас все иначе, и была ли у меня власть над ситуацией?

— Маша, — тихо говорит Виктор, — ты прекрасная женщина. Мы никогда не будем друг другу чужими.

— Умоляю, прекрати... — я захлебываюсь в слезах, а затем поднимаю на него взгляд. Задерживаю дыхание и сдавленно спрашиваю. — Это... моя вина?

— Нет, Маша, — он мягко и ласково улыбается. — Просто так случилось.

Глава 5. Воодушевление?

Гнев, который требовал того, чтобы Виктор исчез с поля моего зрения, затихает в груди. Теперь же там раскисает липкая жалость к себе и страх одиночества.

Однажды у меня с младшей сестрой состоялся разговор. Ей изменил жених. Катя нашла откровенную переписку. Был скандал, море слез, истерики и слова проклятий.

Свадьбу отменили, жених послал Катю и упорхнул к любовнице.

Я была жилеткой для слез, а потом мне надоело слушать это нытье, вытирать сопли и мусолить “как он мог?”.

И я сказала, что она сильная, и пусть катится этот козел далеко и надолго. Что нужно брать себя в руки, быть самодостаточной личностью и понять, что жизнь продолжается.

Какой же я была душой.

Она его любила. И ей было больно. И эту боль нельзя заглушить силой воли и решением, что вот сейчас я встану и все забуду. И стану гордой женщиной с холодным сердцем.

— Я сейчас умираю, — шепчу я Виктору, — и все никак не умру. Может, ты мог переболеть, но не захотел, мой милый? Неужели наша жизнь, наш брак и доверие друг к другу не перевесило твоей любви к новой женщине? Неужели она стоит того, чтобы все разрушить?

— Я не разрушаю, Маша.

— Разве ты не несешь ответственности за меня, как за свою жену?

— Ты бы хотела, чтобы твой муж... — начинает Лидия, но я ее перебиваю

— Да, я бы хотела, чтобы все было, как раньше, — зло всматриваюсь в ее глаза. — Вот так. Вот такая я эгоистичная мразь. Я предпочла бы ложь, потому что с правдой я не хочу жить.

— Ты считаешь, что без любви мужа ты ничего не стоишь?

— А кто я без нее? — вопросительно вскидываю бровь. — Мы с ним со школы вместе. В девятом классе начали встречаться. Лидия, вы не понимаете. Мой первый поцелуй я прожила с ним. Глупый, неловкий, под лестницей на большой перемене. И с этого момента мы были всегда вместе. Вместе делали уроки, готовились к экзаменам, поступали... И на первом курсе мы уже были женой и мужем. Нас называли попугайчиками-неразлучниками, — перевожу взгляд на Виктора, — помнишь?

Виктор поджимает губы.

— Всегда рядышком, рука в руке... — по лицу бегут слезы. — Сюрпризы в тетрадках с лекциями, дешевые пирожки на лавочке и зубрежка билетов, — вновь смотрю на Лидию. — Да большая часть моей сознательной жизни — это Виктор. И вы спрашиваете, считаю ли я, что без него ничего не стою? Стою, конечно, но чего? Видимо, не так много стою для мужа, раз он...

— Прекрати, Маш, — глухо отзывается Виктор.

— Многие пары проходят через разрыв многолетних отношений через взаимное унижение, оскорбления, вражду и ненависть, — Лидия улыбается. — Сжигают вокруг себя все, до чего могут дотянуться.

— Я так хочу, — горько усмехаюсь я, глядя на Виктора. — Ненавидеть, люто ненавидеть тебя. Презирать. Но ты даже в этом мне отказываешь. Конечно, тебе о ненависти и думать не надо. Тебе все равно. Посмотрела бы я на тебя, если бы ты любил, а я... — смеюсь и закрываю лицо рукой, — даже думать тошно.

— Как бы ты, Виктор, поступил, если бы вы поменялись местами?

— Да он сейчас скажет, что отпустил бы меня, — пожимаю плечами.

— Согласна, — Лидия кивает. — С его позиции сейчас не получится честно ответить на такой вопрос. Но тогда я спрошу о другом... И над этим вопросом, в том числе и тебе, Мария, стоит задуматься.

— А, может, вы просто уйдете и прихватите с собой Виктора?

— Вопрос в следующем, — Лидия усаживается в кресле поудобнее, — стояла ли твоя новая любовь брака и жены, если бы у тебя была возможность разрешить себе в нее нырнуть?

— Не совсем понял сути вопроса.

— Если бы у тебя была возможность закрутить роман с той женщиной без последствий, то...

— Я понял, — Виктор кивает, задумывается и хмурится. — Нет... Я бы так не смог.

— А если бы смог?

— Пусть Маша думает, что я подонок, но я бы не стал ее обманывать и в тайне крутить роман.

— А если бы Маша дала добро? — улыбка Лидии спокойная и умиротворяющая.

Я открываю рот, и она вздыхает:

— Дай ответить мужу, и сам подумай.

— Маша не та женщина...

— А представим такую ситуацию, что Маша та женщина, которая соглашается на твой роман на стороне. Спокойно, без истерик, — Лидия не спускает взгляда с Виктора. — Она знает, когда у тебя с ней встречи, где и даже в курсе того, какие ты ей цветы покупаешь.

— Прекратите, — шепчу я. — Это... немыслимо. Это какой-то изврат.

— И тебе не приходится прятаться, когда та женщина звонит, — Лидия едва заметно шурит. — Мы рассуждаем чисто гипотетически.

— Это какой-то абсурд, — рычит Виктор.

— Почему ты сейчас злишься?

— Потому что это далеко от реальности, — Виктор медленно выдыхает через нос. — Если бы Маша была такой женщиной, то брака у нас не было.

— Так его и теперь не будет, — Лидия приподнимает бровь. — Вы оба честные и принципиальные люди расходитесь. Твоей жене больно, она надолго потеряется в новых реалиях своей жизни. Ваших дочерей тоже ждет потрясение. И к этому привела новая любовь.

— Иначе бы не получилось...

— Я вот и предлагаю подумать над иначе. Просто пофантазировать, — Лидия, кажется, даже не моргает. — Сейчас ты рвешься успокоить свою душу и тело. Быть честным, но честность тоже бывает разной. Но тебе не нравится та честность, где есть гипотетический и открытый роман с другой женщиной, ради которой ты готов пожертвовать семьей, деньгами, бизнесом, спокойствием детей. Почему?

— Мне тоже не нравится, — охаю я. — Вы ведете к тому, что мне надо сейчас одобрить интрижку мужа, чтобы сохранить семью и спокойствие детей?

— Я предлагаю поразмышлять. И нет, я не пытаюсь тебя сейчас склонить к тому, чтобы одобрить роман Виктора. Ты его не одобришь. Ты не тот человек, но если бы...

— Хватит! — рявкаю я.

— И ты своим признанием, — Лидия игнорирует меня, — все равно привел к тому, что твоя любовь открыта и получен вектор для развития отношений с другой женщиной. Ты никого не обманываешь. Ты чувствуешь сейчас воодушевление?

Глава 6. Катись отсюда

— Все!

Я больше не намерена терпеть умную Лидию, которая в своих разговорах заходит за грань в темные гипотетические болота.

Я встаю, в который раз вытираю слезы и шагаю прочь:

— Я боюсь, что вы, Лидия, тут ничем не поможете.

— Я оставлю свою визитку, — невозмутимо отвечает она.

— Я обескуражен, — отзывается Виктор. — Мне рекомендовали вас, как хорошего семейного психолога.

— Так и есть.

— А это не вы, — оглядываюсь, — посоветовали моему мужу быть со мной честным?

— Нет, — Лидия вытаскивает из кармана сумочки белую визитку. — Я обычно не работаю индивидуально. Стараюсь только с парами. Либо помогаю разойтись с миром, либо помогаю преодолеть кризис.

— Так вы и для моего мужа тоже были своеобразным сюрпризом?

— Да, — Лидия улыбается. — Нас свел его психотерапевт. Семейные дразги — немного другой ракурс проблемы. И пара — это нечто большее чем просто один человек со своими тараканами. Тут тараканы другие, и часто выглядывают, когда два человека вместе собираются.

— В любом случае, нам не помочь.

Лидия встает, одергивает пиджак и улыбается:

— Потому что вы сейчас сделали только первый шаг, Мария.

— О, засуньте свои эти психологические штучки-дрючки далеко и поглубже.

Выхожу из гостиной. Перевожу дух. Раз я не думаю помирать сейчас от разбитого сердца, то надо приходить в себя.

Даю себе пощечину, когда к горлу опять подкатывает ком.

Затем вторую, но уже посильнее.

Третья отзывается звоном в ушах, кожа правой щеки горит, и слышу тяжелый вздох. Оглядываюсь.

Это Виктор.

И как же меня бесит его мрачная собранность. Я вся лохматая, заплаканная дура, а он весь из себя такой виноватый честный красавчик, который выпнул меня с пьедестала королевы-жены до жалкой неудачницы.

Я проиграла.

И понять бы почему.

Где претензии, что я, например, фригидная сука?

Или что я растолстела?

Или что занудная гадина?

А то выходит, что я прекрасная женщина, но любить меня не за что. Даже не так. Меня можно любить как мамку, как друга, как сестру, но встретить со мной старость... Нет. Я обрыдла.

— Ты бы хотел такой судьбы своим дочерям? — тихо спрашиваю я.

И мне не важен его ответ, поэтому я торопливо поднимаюсь по лестнице на второй этаж.

И ведь не подкопаешься к нему.

Не изменял.

Отношений не завел.

Не тащился ко мне после другой женщины, и пытался разжечь между нами огонь.

Разжег, но только с моей стороны.

Я девочек отпустила в отпуск со свекровью с планами устроить нам две недели дикой страсти, которая бы нас поджидала по всем уголкам нашего дома.

В шкафе в нижнем ящике ждет новое откровенное белье, новые игрушки и даже наручники.

Да, я хотела после ужина кокетливо придвинуть Виктору наручники одним пальчиком и признаться, что была плохой девочкой.

Короткий смешок.

Радует, что я получила “я люблю другую” до наручников.

А то вот бы был цирк. Приковал бы меня наручниками к кровати и ошарашил бы меня честным признанием. А я такая вся красивая, в черных кружевах лежу в соблазнительной позе.

Смеюсь, глядя на Виктора. Наверное, стоит сказать ему спасибо, что он не отложил этот вопрос до момента глупых игр.

— Так, визитку я оставила, — к нам выходит Лидия. Перекидывает сумочку через плечо. — И вам есть над чем подумать. Мы все познакомились, и я готова провести вашу семью через развод.

— И берете за это, скорее всего, прилично? — едко интересуюсь я.

— Да, — плывет в прихожую, — но мой преysкурaнт оправдан.

— Да свалите вы уже! — иду под лестницу и скрываюсь в просторной кладовке, в которой недавно наводила порядок. Повышаю голос. — Стерва!

Если я не буду агрессивной, то опять разрыдаюсь. Лучше буду кричать, рычать, огрызаться, чем заливать на радость моего благородного мужа пол слезами.

Подхватываю черный чемодан из матового пластика на колесиках и выхожу.

— Маша...

— Отвали!

Тащу чемодан через лестницу на второй этаж:

— Разлюбил! Что же ты меня не разлюбил до того, как мы встали на ноги? — оглядываюсь. — А? Или хотя бы до моей тридцатки?

— Маш, — Виктор хмурится, наблюдая за мной у лестницы. — Я даже не знаю, что тебе на это сказать.

Меня начинает опять трясти. Вот такой он весь красивый, надменный в дорогом костюме от итальянского портного, в сорочке из тонкого элитного хлопка достанется другой женщине.

А я помню на нем дешевые брюки с рынка, дырявые кроссовки, старую куртку и с потертыми локтями. А еще китайские футболки, носки, что красили ноги и шапки из секонд-хэнда.

— Да что тут еще сказать кроме того, что козел? — горько усмехаюсь я и тащу чемодан дальше.

Захожу в спальню, затем скрываюсь в нашей просторной гардеробной. Справа — моя половина, слева — его. Он тут меня не раз зажимал, шептал, что я красивая.

— Ненавижу, — открываю чемодан и срываю с вешалок его рубашки.

Кидаю в чемодан, за ними летят брюки, пара пиджаков.

— Тебе надо остыть.

— Завали варезку! — несдержанно рявкаю я. — Господи! Виктор! Или тебе доставляет удовольствие вся эта ситуация?!

— Нет.

— Тогда заткнись! — закидываю к его тряпью носки, пару футболок и затем сажусь на корточки, чтобы с яростным побряхтыванием застегнуть молнию.

Так. Лишь бы не расплакаться. Такое ощущение, что я вся состою из слез, которые готовы брызнуть из всех щелей.

Встаю, поднимаю чемодан на колесике и пинаю его к Виктору, который привалился к косяку плечом, скрестив руки на груди.

— Катись отсюда. За остальными вещами пришли помощника. Можешь сразу залететь к сучке своей. Или она тебя не ждет?

Глава 7. Иначе я не могу

— Ты помни, что у нас три дочери.

Недоуменно вскидываю бровь, а затем понимаю, на что намекает мой муженек.

— Ты думаешь, что я сейчас пойду в петлю лезть?

— Да, не хотелось бы на твоих похоронах стоять.

— Да какой же ты гондон! — обескураженно охаю я. Подбочениваюсь. — А давай обратимся к статистике, мой милый. Женщины вне брака живут дольше. Так что, — усмехаюсь, — ты мне сейчас продлеваешь жизнь. И это я приду на твои похороны... чтобы плюнуть на твою могилу!

А затем я снимаю кольцо с пальца, откладываю его в сторону и протягиваю руку:

— Давай сюда и свое. Ты выйдешь отсюда без кольца и морально свободным.

— Верно, — стягивает обручальное кольцо и вкладывает его в мою ладонь. — И ты тоже морально свободна, Маш.

— Что?

— Я буду рад, если ты встретишь достойного человека.

Несколько секунд оторопи, а затем я откладываю его кольцо к своему и цежу сквозь зубы:

— Проваливай, мерзавец.

Он меня добил окончательно.

Нет ничего хуже для женщины услышать от любимого мужа, что он желает тебе встретить достойного человека.

Он продолжает гнуть линию честного мужика, который придерживается позиции, что у женщин после развода жизнь не заканчивается, и мне от этого тошно.

— А, может, и найду нового папочку для наших дочурок.

— Папочка тут я, Маша, — вот тут у него глаза темнеют от гнева. — Я — отец. И ты не та женщина, которая станет манипулировать детьми, поэтому сейчас я пропущу твои слова мимо ушей.

Подхватывает чемодан за ручку и выходит.

— Раз ты такой папаша, — выхожу за ним, — то пусть с тобой наши дочери живут? А мне же надо встретить достойного человека?

— Хорошо, — отвечает Виктор и даже не оглядывается.

— Ты думаешь, что ты с тремя детьми нужен новой любви?

— Не они — моя проблема.

— А — я?!

— Да, — резко разворачивается ко мне, — ты. Не мои дочери, а ты. Да, Маша, ты. Возможно, с любой другой женщиной меня ждал тупой перепихон на стороне! И, возможно, я бы не женился так рано! Ты — моя единственная женщина! И ни на кого я больше не смотрел, но вот случилось! И это ты меня, можно, сказать воспитала таким приличным, принципиальным и честным. Тем, кто не станет изменять жене! Тем, кто придет и все честно скажет, когда поймет, что он скоро сорвется! Чтобы не пятнать брак! Чтобы не пятнать жену! Может, это не любовь. Может, у меня просто уже мозги кипят, но факт остается фактом, я хочу обнимать, целовать, засыпать с другой женщиной! И я знаю, что это точка невозврата, но иного выхода не вижу!

— Если ты посмеешь приползти обратно, то я тебя не приму...

— А как ты считаешь, я приползу?

Молча вглядываемся друг другу в глаза. Раньше в них была любовь, нежность, а сейчас только гнев и разочарование.

— Да, Маша, ты стала мне сестрой за все эти годы брака, — зло шепчет он. — И у меня с тобой был моральный инцест в последние месяцы. Мы с тобой вместе двадцать четыре года

с девятого класса. И только ты была у меня. Только ты. Прости меня, Маша, за то, что я только так могу решить эту проблему, но будь честной, ты бы действительно предпочла измены?

— Нет... — отступаю, ошарашенная его внезапной вспышкой агрессии. — Конечно, нет...

— Я старался оживить свой интерес в браке, ясно? — вздыхает он и сжимает переносицу. — Возможно, надо было сразу на тебя все вывалить, но я верил, что у меня получится выплыть! Не выплыл, Маша! Ушел еще глубже! — повышает голос. — И нет! Я не хочу открытого брака! Не хочу быть с тобой и с другой женщиной! А то ты сейчас надумаешь, что я требую от тебя одобрения любовницы! Нет! Я обещал быть тебе верным мужем, и я им был! Но теперь не могу им быть! Не могу! Кризис это или нет — неважно! И от тебя тоже ничего не зависит, потому что ты... — он горько усмехается, — тоже старалась. Понимаешь?! У тебя нет варианта изменится в лучшую сторону! Потому что ты... хороша во всем! Как мать, как хозяйка, как женщина! Тебе не надо худеть, ты не ханжа и за собой следишь. Никаких засаленных халатов, небритых ног. И, может быть, я разочаруюсь потом в своем решении, но лучше так, чем чувствовать разочарование в тебе, нашей семье!

— И ты разочаруешься...

— Пусть будет так! — рявкает он. — Пусть!

— Прекрасно, — я смеюсь, — ты уходишь из семьи, потому что твоя жена была идеальной. Может, мне тогда стать неидеальной?

— Чтобы что? — Виктор вскидывает бровь. — Чтобы разбудить во мне страсть? Не ты ли вот минуту назад требовала, чтобы валил? А? Будь последовательной, Маша!

— Да какая тут последовательность, сукин ты сын? — взвизгиваю я. — Ты уж меня прости! У тебя был год окончательно разлюбить и проникнуться полным отвращением! А мне даешь только час? За час я должна все осознать, понять и принять? Это как верить, что от подорожника отрастет рука! Не отрастет! И ты мне тут не нужен!

— Да я и быть тут не хочу! Я будто в родительском доме с супер-мамочкой!

— Пошел ты!

— Вот я и иду, — дергает чемодан на себя и торопливо выходит из спальни.

— И разговаривать мы с тобой будем теперь только в присутствии адвокатов!

— Отличное решение! Тебе будет чем заняться! Я хотел тебе предложить помощь в этом вопросе, но ты же будешь против! И опять заподозришь в чем-то нехорошем!

Прижимаю кулаки ко лбу, вслушиваясь в шаги Виктора, которые отдаляются.

Когда из открытого окна доносится приглушенный звук мотора и мягкое шуршание шин, я оседаю на пол.

Ушел.

И мне теперь сделать хотя бы короткий вздох. Всего один короткий вздох, чтобы пробиться сквозь бетонную плиту отчаяния.

И я делаю этот вздох, который обжигает легкие, закрываю лицо руками и реву навзрыд.

Глава 8. Это блажь

— Девочки накормлены, уложены, спят, а я, — Валентина показывает баночку газировки, — культурно отдыхаю на веранде. Машенька, тут так хорошо, а какой воздух... Влажный, плотный, — прикрывает веки, — и все мои морщины напитались этой влагой и солью, — обеспокоенно смотрит в камеру. — А ты чего такая бледная... бледная... опухшая... Маш?

— Вы хотите сказать, что не знаете?

— Чего не знаю? — отставляет баночку в сторону и садится прямо. — Маш?

Я ищу в ее глазах ложь, но вижу только недоумение и тревогу. Так Валентина не в сговоре с Виктором, и она не в курсе его новой любви?

— Маш... Где Витя?

— Ушел, — сдавленно отвечаю я.

— Куда? — Валентина медленно приподнимает бровь.

— В новую любовь, — голос у меня дрожит, — к другой женщине.

По щеке катится слеза, обжигает кожу, и я отворачиваюсь, прижав ладонь ко рту, чтобы не разреветься.

— Что? — Валентина переходит на шепот, который слышится криком. — Маш...

Я крепко зажмуриваюсь. Плечи вздрагивают от отчаянного всхлипа.

— Господи...

И Валентина тоже замолкает. Слышу, как стрекочут цикады.

— Так, я сейчас ему позвоню...

— А что это изменит? — всматриваюсь в бледное лицо Валентины. — Это конец, Валь.

— Боже...

Валентина встает, потом опять садится и вновь встает.

— Маш... Это как так-то?

— Вот так, — шмыгаю и вытираю слезы тыльной стороной ладони. — Разлюбил. Говорит, что не может так больше.

— Может, перебесится, а? — едва слышно отзывается Валентина. — Вы чего, Маш... Вы же так давно вместе... Маша...

— Это конец, — опускаю взгляд и медленно выдыхаю. — И девочкам пока ничего не говори, Валь. Они ждали этого отдыха.

— Да они же все в сорокет начинают фигней страдать... Маш, милая моя... Взбрыкнул мужик...

Я молча смотрю в камеру, и Валентина закусывает губы.

Виктор — для нее сын. И он останется им при любом сценарии. И не вспыхнет она к нему яростным гневом. Не будет она его ненавидеть, обкладывая оскорблениями и вычеркивать из жизни.

Он — ее сын. И как бы она меня ни любила, как бы ни уважала, как бы ни переживала, но она окончательно не встанет на мою сторону. Я это понимаю, потому что сама мать.

— Маш...

— Отдыхайте.

— Да как тут отдыхать теперь?

— Я не знаю, — пожимаю плечами, — и звонить Виктору бессмысленно, Валь. Мы расходимся. Разве я имею права его не отпускать?

— Да блажь это! — Валентина повышает голос и прижимает ладонь к губам, а потом бубнит, повторяя, — мужицкая блажь.

— Как он сказал, — делаю глубокий вздох, — пусть будет так.

— Ну... я не знаю, — Валентина начинает паниковать, — ну... возьмите передышку... разбегитесь на время... черт... Маш... да дурак он... Господи, — смотрит обескураженным взглядом в даль, — да что ж их так накрывает?!

— Валь, эти вопросы ничего не изменят.

Смотрит на меня, хмурится и поджимает губы. Как женщина, она понимает меня, но как мать и как свекровь, она не желает, чтобы все было так. Она хочет зачитать мне лекцию о том, что надо быть умной и мудрой, однако осознает, что я на дне и я умираю.

— Маш, ты же мне как дочка...

— Вот... А для Виктора я... — горько усмехаюсь, — как сестра.

— Так... может... Маш, — Валентина нервно расхаживает по веранде, — его... не знаю... ну, встряхнуть?! А? Освежить отношения? Поперся он на сторону, а ты...

— Не поможет. Да и не хочу.

— Елки-палки, Маш, — сердито шепчет Валентина, — ну что ты как маленькая?

— Я не буду его возвращать, встряхивать, соблазнять... Это глупо и унижительно.

— Сейчас тебе надо передохнуть, Машуль, — шепчет Валентина. — Никто и не просит сейчас натягивать на себя секси платье...

— Валь... — закрываю глаза. — Прошу. Мне и так тошно.

Валентина с тяжелым и отчаянным вздохом замолкает. Голова раскалывается, и мне хочется выкопать себе в лесу маленькую темную норку, а потом забиться в нее раненой лисцей и свернуться в клубочек.

— Маш... — блекло отзывается Валентина. — Я ведь... тебе не стану врагом?

Глава 9. Мир, война и шпинат

— Сколько раз ты разводился?

— Три раза, — Юра вытягивает ноги и растекается в кожаном кресле.

Перед ним стоит стакан с какой-то зеленой жижей.

— Там шпинат, сельдерей, огурец и петрушка, — говорит Юра, заметив мой взгляд на стакане. — Дрянь редкостная, но, — похлопывает себя по животу, — хую.

Смузи? В баре? Как он развел бармена на смузи из петрушки и сельдерея? Конечно, похудеть этому борову не мешало, но смузи в пафосном полумраке среди дерева и кожи смотрится нелепо.

— А причины развода?

Пастухов Юрий - один из моих партнеров. Сошлись в нескольких крупных сделках лет пять назад. Его мало, кто любит. Для многих он — неприятный, хамоватый мужик, который может прямо послать без лишних расшаркиваний ножками, но у нас как-то все сложилось так, что можем иногда встретиться в баре и выпить.

Нет, не друзья, но знакомые, которым при встрече комфортно сидеть за одним столом. Без напряжения и настороженности. Это странно, конечно, но как есть.

— Причины? Надоели, — пожимает плечами, и его круглое лицо сминается в ехидную улыбку. — Ждешь совета от бывшего ходока?

— И как разошлись? С миром?

— Ты, что, сказок перечитал, Вить? Какой мир? — вскидывает бровь. — Это мужик надеется на мир при разводе, а бабы устраивают вакханалию. Первая женушка после развода бегала по гадалкам и порчу наводила... — задумывается. — Блин, может, я поэтому жирный? Хотя нет... Я уже с ней был с пузом, — печально вздыхает. — Вторая пыталась убить. Третья обвиняла в изнасилованиях, избиениях. И каждой я оставил по дому, по внушительному счету, машине... Был очень культурным, но... — подается в мою сторону и шепчет, — так ты еще больший козел. Логика никакой, но вот так.

Подхватывает стакан и решительно присасывается к нему. Крупными глотками выпивает зеленую жижу, кривит лицо и прижимает кулак ко рту. На глазах выступают слезы:

— Отвратительно, Вить. Вот подумываю, может, в четвертый раз развестись? Это просто невозможно. Мне ни пожрать нормально, ни выпить. Моя нынешняя зазноба не теряет надежды слепить из меня Аполлона.

Медленно выдыхает и откидывается назад:

— Не, четвертый раз не выгребу. Это будет мой личный ад со смузи и отрубями в кашах. Господи, — смыкает веки. — Это мне за мои грехи, — открывает глаза. — А чо ты о разводах заговорил?

А затем переводит взгляд на чемодан, что стоит рядом, и тянет:

— Оу... Так ты не в отпуск? — смотрит на меня с ухмылкой.

— Нет.

— Очень информативно, Вить, — недовольно и громко цыкает. — Говори. Я жадно заглотил крючок. Отвлеки меня от этого привкуса отчаяния в моем рту.

— Я развожусь.

— Ага? — Юра в любопытстве вскидывает бровь. — А дальше? Почему? Сходил налево?

— Нет.

— Да ежкин кот! — рявкает Юра и бьет по подлокотнику дивана пухлым кулаком. — Я сейчас плоскогубцы достану и буду тебя пытаться.

— Не изменял, но..

— Но что?!

— Другую бабу захотел! Аж в глазах темнеет! Мозги кипят! Ночами не сплю! С ней хочу быть. Не с женой

Замолкаю и поскрипываю зубами.

Может, и нет во мне сейчас воодушевления, но я будто пробил в себе нарыв. Этот год я не жил.

Я вскрыл себя перед женой. И другого выхода у меня не было. Я в мыслях находился не рядом с Машей.

И это меня убивало. Как такое могло произойти, что к женщине, которую я слепо любил с четырнадцати лет, пропал трепет? Незаметно стерся и размылся.

— А жена?

— А ты как думаешь?

— Надоела?

— Дышать рядом с ней не могу. Понимаешь? Вот я и пришел и все рассказал. Иначе бы... все было куда отвратительнее, чем сейчас есть.

— Сколько вы вместе?

— С девятого класса.

— И за все это время...

— Нет, Юр, — откидываюсь назад. — Даже поцелуя на стороне не было.

Юра неопределенно причмокивает, поглаживает свою толстую щеку, глядя на меня, как на экзотическое животное.

— Ну, ёма, ты умеешь удивлять, — тянет он. — Нет. С таким я не сталкивался. Мужики сначала скачут по бабам, потом уж голову пеплом посыпают, а ты у нас... Вить, — прикладывает ладонь к щеке, — ну ты меня прямо в тупик поставил. И жена-то, поди, там беснуется.

— Не то слово.

— И ты хочешь вырулить из всего этого с миром?

— Да.

— Чтобы потом вернуться? Ну, если вдруг там что-то с новой бабкой не задалось.

— Нет.

— Вить, — опять тянет Юра и уже к другой щеке прикладывает ладонь, — ты чего творишь? И если что, я сейчас не насмехаюсь, а искренне удивляюсь. Давай, добей меня. Ты ведь не все сказал?

Молчу и перевожу взгляд на сонного бармена, который за стойкой лениво натирает стакан.

— Да говори уже.

— Та женщина... Лариса, — постукиваю пальцами по подлокотнику, — даже не в курсе.

— В смысле?

— Ну в том смысле, — перевожу взгляд, — что между нами вообще ничего не было. Понимаешь? Меня как начало клинить на ней, я попросил ее уволиться. Не было ни флирта, ни каких-либо встреч, ни взглядов...

— Ты издеваешься?

— Нет.

— Подожди, — Юра касается указательным пальцем своего подбородка, — ты хочешь сказать, что разводишься из-за фантазии?

— Я на грани, и если бы моя фантазия стала явью, то это было бы нечестно по отношению к жене. И эта фантазия... просто кроет, Юр.

— Подожди, — Юра медленно выдыхает, моргает и чешет то одну щеку, то вторую, а потом говорит, — это просто феерия, Вить. Ты занимаешь в моем клубе козлов почетное место. Почетное место Святого Козла.

— Что?

— Seriously, — Юра смеется, — я готов заказать твой портрет с нимбом и повесить его на стену, чтобы другие козлы тебе поклонялись. И надо сказать, что у тебя очень фактурная внешность. Портрет получится бомбическим.

— Смешно, да, — хмыкаю.

— И, что, теперь красавчик, которого внезапно клюнул в жопу кризис среднего возраста, распушит хвост и пойдет окучивать объект своего вождения с чистой совестью? — Юра улыбается. — Или как? И, может, тебе адвоката по разводам порекомендовать?

Глава 10. Складываю лапки

— Уверен в разводе? — Юра вскидывает бровь.

— Да.

— А если с Лариской ничего не получится?

— Значит, не получится, — пожимаю плечами. — Я решил не проверять в браке получится с ней или нет.

— Почему?

— Потому что это нечестно к моей жене, — вздыхаю. — Слушай, я уже это все обсуждал с психотерапевтом.

— И это он тебе посоветовал быть честным?

— Я сам пришел к этому решению, Юр. Я и не жду, чтобы ты меня понял, — устало вздыхаю.

— Ты знаешь, кому мужики не изменяют? — Юра прищуривается. — От кого не ходят налево и не суют свои огурцы в чужие банки?

— Да мне, собственно, все равно.

— Мужики не изменяют любимым женщинам.

— Не совсем понимаю, как это относится ко мне.

— Подумай.

— Слушай, я Машу бесконечно уважаю... И она стала мне родной... Слишком родной.

— Как мамка?

Опять пожимаю плечами.

— Ну, дорогой мой, а не клал ли ты толстый и большой на мнение мамки, с кем кувыряться?

— Юр, алё, — цыкаю. — Я не целовался ни с кем кроме своей жены. Ты про какое кувырчался говоришь?

— Да е-мае, — Юра бьет кулаком по подлокотнику, — все у тебя как не у всех. И чего ты с такой спокойной рожей говоришь, что почти девственник?

— У меня нет по этому поводу комплексов.

— Выпить захотелось, и не жидкого шпината, — Юра приглаживает волосы. — Я сейчас могу сделать вывод, что с женой-то у тебя было все в порядке в этом самом, раз ты тут не пытаешься сделать из себя полового гиганта?

Более чем в порядке. Маша не ханжа, и мы с ней испробовали все, что могут испробовать в постели два человека.

Было полное доверие. Она никогда не пугалась моих очень смелых предложений, и сама тоже подкидывала идеи. Шепотом, с легким румянцем и милой улыбкой. А потом вглядывалась в глаза, ожидая моего ответа. Мы не боялись оказаться друг для друга извращенцами. И только одна договоренность у нас была. Никого другого в нашей кровати или на стороне. Мы - друг для друга.

Только теперь тянет с экспериментами к другой женщине.

И бороться я с этим не могу.

И после этих шести месяцев не хочу.

— Ты будешь жалеть, Вить, — Юра внимательно всматривается в мое лицо. — Охренеть как жалеть, но... — медленно выдыхает, — я складываю лапки и соглашаюсь, что тут только развод. Знаешь, я отпетым кобелям могу посоветовать, чтобы они не маялись фигней и остались в браке, но тут... Ты понимаешь, что твоя Лариса воблой в постели может оказаться? А еще, может, она трусы свои не меняет по несколько дней, а? Вить! — Юра встает и смотрит на

меня так, будто это я с ним развожусь. Вскидывает руку. — Она же может быть занудой! Или ни за какие коврижки твои бубенцы не полижет, потому что она вот такая скромная идиотка?!

— Выдыхай, Юр.

— Я ведь тебя, как мужик понимаю, — прикладывает руку к груди. — Это пытка так жить, но... с высоты прожитых лет... это же все катится в жуткое дерьмище, Вить.

— Возможно, — смотрю на него с меланхоличным спокойствием, — ты думаешь, что я за все это не прокрутил в своей голове?

— Вот она проблема ранних браков! — Юра рывкает на меня. Шагает к барной стойке, а затем оглядывается. — И вы все, скороспелки, проходите через одно и то же, но с разными вариациями. Но ты... — Юра грозит мне пальцем, — переплюнул всех! Вот получишь от ворот поворот...

— Но я его получу не тайком и не в браке, — взгляда не отвожу.

— Какой ты, Вить, бесячий, — подходит к стойке, поддается к бармену и через минуту опрокидывает в себя две рюмки.

Неторопливо возвращается, опускается в кресло и выдыхает:

— Выпил за твой развод. И за то, чтобы у тебя все получилось. Если так заклинило, то надо уходить и не дотягивать брак до уродства, в котором живешь из-за чувства долга. Может, тебе повезет и с Ларисой все выйдет. Но у меня нет для тебя советов.

— Я не за советами пришел, — вновь смотрю на бармена, который теперь вытирает стойку. — Так. За передышкой, Юр.

— И ведь хохмачить не хочется, — Юра надувает щеки и сердито выпускает воздух через рот. — Да... И сам бы я не хотел оказаться в твоей шкуре, — серьезно смотрит на меня. — И мои разводы на твой не натянутся, Вить. Я женился те три раза от скуки. В четвертый раз по любви. И не дай бог мне разлюбить жену. Но тогда я уже к тебе приду за разговорами.

Глава 11. Я вас слушаю

— Я вас слушаю, — говорит мне очередной спец по разводам.

Тимур Амирович. Полненький смуглый мужичек лет тридцати пяти. В черных коротких волосах пробилась редкая седина. Лицо пухленькое, доброжелательное. Кабинет спрятался среди множества непонятных мелких контор: обменников, нотариусов, займов.

И у него тут очень скромненько.

Очень скромненько по сравнению с теми пафосными кабинетищами, в которых я побывала за этот день.

Я посидела в интернете, выписала на листочек адреса и телефоны адвокатов по бракоразводным процессам и пошла по списку.

И нигде я не задержалась надолго. Вылетала в слезах, а тут пока сижу.

— Ну, рассказывайте.

— Развожусь.

— Иначе бы вы здесь не сидели.

— Мой муж меня разлюбил, — шепчу я. — Ну и вот...

Все еще не бегу.

— Бывает, да.

— После двадцати лет брака.

— И такое бывает, — Тимур Амирович кивает.

— И я хочу выпотрошить его, вырвать сердце, — шепотом говорю я. — Потом это сердце запечь и отужинать им, а напротив посадила бы труп своего мужа.

— Очень образно.

— Но это уголовно наказуемо, поэтому... развод, — сглатываю ком слез. — Со всеми вытекающими. Претендую на половину всего, что мы нажили в браке. Вот. И готова рассмотреть выкуп моей половины бизнеса. У меня нет желания возиться с его делом, сталкиваться лбами, пытаться вести общую стратегию... ну и так далее.

— Дети?

— Лишить его родительских прав не выйдет, как бы я этого ни хотела, — пожимаю плечами, — и уверена, что он будет добиваться совместной опеки. Он у меня очень честный человек. Он ведь разлюбил меня, а не наших дочерей.

— Вы к совместной опеке готовы?

— Мне любопытно, потянет ли он.

— Простите?

— Перестаньте, — усмехаюсь я, — мужики только на словах после развода отцы-молодцы. Какая ему совместная опека, если на горизонте новая женщина? Я думаю, что все сведется рано или поздно к редким звонкам и встречам по воскресеньям, а там... — выдыхаю, — может, еще один общий малыш появиться. А потом еще...

Вот сейчас готова бежать в слезах прочь, но я сжимаю кулаки и прикусываю кончик языка.

— А если нет? Если его устроит совместная опека и он готов нести половину своих обязанностей, как отец?

— Вот и посмотрим, — мило улыбаюсь я. — В конце концов, у меня ведь тоже должно быть время для себя любимой. Дочерей бывшему мужу на его неделю, а сама... устраивать новую жизнь. Он же не зря пожелал мне встретить достойного человека. Будет с кем оставить дочерей, когда я решу уехать в отпуск, например, — хмыкаю, — навстречу романтическим приключениям.

— Романтические приключения — это здорово, — вздыхает Тимур, а в глазах проскальзывает тоска по отпуску.

— Вы хороший адвокат?

— Я предпочитаю думать, что да.

— Вы семейный человек?

— Да, — он разворачивает ко мне фотографию двух мальчишек лет трех двух.

— Жену любите?

— Да.

— А потом спустя двадцать лет придете и скажете ей, что разлюбили, — отворачиваюсь и смотрю в окно. — И останется она с дырой в груди.

— Слушайте, — начинает аккуратно Тимур Амирович. — Я не то чтобы хочу от вас отказаться, но, может, вам стоит обратиться к женщине-адвокату? Я могу порекомендовать одну мою коллегу. Она за вас жилы порвет, потому что сама прожила развод.

Перевожу взгляд на Тимура Амировича.

— То есть вы не порвете?

— Я буду добиваться удовлетворения ваших интересов, но без агрессии. Возможно, вам сейчас нужна агрессивная поддержка, — Тимур Амирович мягко улыбается.

— Нет, вы займетесь моим разводом.

— Почему?

— Потому что я не ищу в адвокате друга или подружку, которые будут меня поддерживать и соглашаться, что мой муж козел. Мне нужен специалист. И не агрессия мне нужна, а холодный разум, — недобро шурюсь. — Вы займетесь моим разводом?

— Ваш муж нашел адвоката? — Тимур Амирович чуток наклоняет голову набок. — С кем мне придется работать?

И в кармане вибрирует телефон, который я достаю дрожащей рукой. Виктор.

— Муж?

— Да, — сипло отвечаю я, и на меня накатывает волна паники и слабости.

— Ответьте, — Тимур Амирович вздыхает. — Вы все равно будете вынуждены с ним коммуницировать.

— Я не хочу...

— Дайте, — Тимур Амирович протягивает руку, — отвечу я, если вы не готовы.

Молча встаю, отдаю ему телефон. Принимает звонок на громкой связи без раздумий и оторопи:

— Слушаю.

— Ты еще кто такой? — тихо и глухо спрашивает Виктор.

— Адвокат вашей жены. Абаров Тимур Амирович.

— Тогда передай Маше, что моя мать с девочками вернулись, — в голосе прорезаются нотки стали. — И они уже на пути домой.

Гудки, которые отдаются в голове гулом. Перед глазами — мутная белесая пелена, и я шепчу:

— Проклятье.

Глава 12. Иди сам все говори

Подъезжаю к дому.

Вижу машину Виктора, припаркованную у ворот, и его самого. Выныривает из салона, оглядывается.

И теперь он видит меня.

Стискиваю руль.

В голове проскальзывает дикая мысль: вжать педаль газа до упора и сбить его. После сдать назад и проехаться по его труп.

А потом еще раз. И еще. И еще.

Однако вместо этого я аккуратно паркуюсь позади его машины. Даже грациозно и по-женски. Женщины меня поймут. Мы паркуемся иначе, чем эти ублюдочные мужики, которые после двадцати лет брака говорят, что любят другую.

— Привет, — говорит Виткор, когда я покидаю салон.

— Привет? — вскидываю бровь и повышаю голос. — Привет?!

А потом выдыхаю, прикрыв веки. В груди опять начинает кровоточить, касаюсь дрожащими и холодными пальцами переносицы.

— А что я должен сказать? — спрашивает Виктор.

Его голос гвоздями входит в мои барабанные перепонки, и я перевожу на него взгляд:

— От своей шмары приехал?

И ведь не поймешь по его виду, от Лариски он ко мне такой строгий и мрачный приехал. Страстных засосов не вижу. Губы не искусаны. Царапин на лице и шее нет.

С другой стороны, может, Лариса не из диких дам и близость с ней полна нежности, ласки, любви и мягких прелюдий.

Стискиваю зубы.

— Я не буду это обсуждать с тобой, — холодно отзывается Виктор.

— Ты это обсудишь с нашими дочерьми, — цежу я сквозь зубы.

— Ты лучше скажи, какого черта моя мать сорвалась с ними сюда? — вскидывает руку в сторону нашего дома.

— А ты мне рот не заткнешь, — делаю к нему шаг. — Ясно? Я не просила Валентину приезжать, но молчать о том, что ты ускакал к другой бабе, не стала. И ты себе как это представлял? Я проглочу язык на две недели?

Поскрипывает калитка, и из нее выходит Валентина. Она скрещивает руки на груди, молча смотрит на Виктора и поджимает губы.

Виктор медленно выдыхает, приглаживает волосы, отворачивается и проводит ладонью по лицу.

— Вить, это правда? — спрашивает Валентина.

— Да, — он резко разворачивается к ней. — Да, это правда.

— Ты ополоумел?

— Вероятно, — усмехается он, всплеснув руками. — Мам, ты не должна была...

— Слушай, Вить, — Валентина едва заметно прищуривается, — я тебя люблю, я тебе жопу мыла, сопلي вытирала... И я тебе люблю и буду любить. Этого ничего не изменит, но мне за Машу очень обидно. Очень обидно. она хорошая женщина.

— Я знаю, мам, — Виктор хмыкает.

Острые когти проходят по моим свежим ранам, и я судорожно выдыхаю

— Ты рушишь семью, Вить.

— Он уже ее разрушил, — тихо говорю я.

— Я вас двоих помню зелеными подростками, — Валентина переводит взгляд с Виктора на меня и вновь смотрит на него. — Я помню, как давала тебе на школьные обеды чуть больше, чем требовалось, чтобы ты мог сводить Машу в кино и угостить ее мороженым.

— Я тоже это помню, — Виктор пожимает плечами. — И это ничего не меняет.

— Там в разгромленном доме сидят ваши дочери, — тоскливо смотрит на нас. — И сегодняшний день они запомнят на всю свою жизнь.

— Вперед, — прищуриваюсь на Виктора, чьи глаза вспыхивают черным гневом и отчаянием. — Иди, милый, на разговор. Я тебя прикрывать не буду. Не теперь, Виктор. Давай, скажи, как ты их любишь и что у тебя теперь есть новая женщина, которую ты любишь. Так любишь, что отказываешься от их мамы, с которой ты, мерзавец такой, отправлял в аэропорту на отдых.

— А мы выпьем кофе, — Валентина решительно шагает ко мне, а затем оглядывается на бледного и разъяренного Виктора. — Давай, сына. За любовь в таком возрасте надо платить.

Мой запал тухнет. Оставить дочерей с Виктором? Я должна проконтролировать ситуацию, защитить, закрыть грудь...

— Пусть, — Валентина берет меня за руку и заглядывает в глаза. — Маш, он отец. И это его решение. Пусть донесет это до девочек.

— Но...

— Вези меня пить кофе, — Валентина открывает дверцу машины и буквально запикивает меня в салон. — Сама сказала, что не будешь прикрывать. Это тактическое отступление, Маш, — наклоняется ко мне и зло шепчет в лицо. — Я едва себя держу в руках, и сама сейчас кинусь своего сыночку-корзиночку спасти из ямы дерьмища. Так что, немедленно вези меня пить кофе.

Глава 13. Говори!

Как не пляши на углях, а ожогам быть.

В доме полный хаос с порога.

Маша хорошо повеселилась в мое отсутствие и не ограничилась только гостиной.

Может, мне не стоило оставлять ее в безумстве, но... мне тогда бы пришлось связать ее, чтобы она не устроила апокалипсис.

Если бы я мог, то я бы забрал гнев Маши себе, чтобы ее так не штормило.

Мне действительно жаль, что все вышло именно так.

И у меня не было стремления этим годом усугубить ситуацию.

Я хотел все исправить.

Я верил в то, что у меня получится.

Но эти полгода не привнесли в мою жизнь яркой новизны

Я покупал цветы без трепета, а с холодным сердцем и со знанием того, что Маша любит красные лилии. Несколько бутонов обязательно должны быть нераскрытыми.

Я не стоял в цветочных и не гадал, что ее может удивить. Когда продавщица вручала мне букет, я искал в душе волнение, а его не было.

И я упрямо ждал его, ковырял сердце и пытался из него вытащить хотя бы ниточки тех чувств, что обрушились на меня, когда я, например, в первый раз поцеловал Машу “по-взрослому”.

Я помню ее румянец, круглые глаза, сбитые дыхание, но это просто картинка, а тогда я чуть не помер и опять ее поцеловал, зажав в углу.

— Пап, где мама? — шепотом спрашивает Лиза.

А дочек уже тронул загар. Сидят на диване, тихие и напуганные. Вокруг дивана — хаос.

— Пап... — Надя сглатывает.

— Ты ее убил? — Даша всхлипывает, и получает тычок от Лизы.

Я сажусь в кресло.

За все надо платить.

А за свободу плата самая высокая.

— Пап, где мама? — повышает голос Надя.

— Я тут! — раздается крик Маши, хлопает входная дверь.

А у меня горло схватило болезненным спазмом.

— Я тут! — в гостиную врывается Маша. — Живая, девочки... Живая... — выдыхает и приваливается к стене. — Тут я... Господи...

— Нас ограбили? — Даша ежится.

— Что ты молчишь, а? — Маша усмехается. — Ну, говори, Виктор... Давай, — она истерично смеется. — Что ты язык проглотил?!

— Маш, — слышу голос матери.

— Какое тут кофе! — рявкает Маша. — К черту ваш кофе! Я буду здесь! Виктор! Ну, давай, говори!

Разжать зубы, отлепить язык от неба и сказать хотя бы несколько слов.

Но я не могу.

Требовательный крик Маши режет барабанные перепонки, вонзается в мозг острой раскаленной спицей.

Позволил бы тот Виктор, который переносил через лужи Машу, так поступить с ней и своими дочерьми.

— Говори!

Девочки переглядываются, жмутся друг к другу и держаться за руки.

— Мы разводимся, — выдыхаю я из себя не углекислый газ, а ядовитый прокопченный гарью отчаяния пар.

— А дальше?!

Девочки распахивают глаза и не моргают. И в их зрачках только страх.

— Ваш папа больше меня не любит, — Маша опять хрипло смеется. — И быть со мной больше не хочет. Он любит другую! — смех переходит в клекот разъяренной орлицы. — Но! Важное уточнение! Не любит он только меня! А вас любит. Да, вот так.

— Люблю...

И я сам понимаю, как я сейчас нелеп в своем ответе.

— И он от вас не отказывается! Нет! Нет! Нет! — голос Маши острый и истеричный. — Что вы! Он вас любит!

— Маш, — тихо говорит мама.

— Замолчи! — взвизгивает Маша. — Валь, это наша жизнь! Не лезь! Я просила тебя не приезжать! Просила! Но раз приехала, то помолчи! Да, это твой сын! Но он мой муж! И теперь будет бывшим!

Девочки в ужасе смотрят на Машу. До них еще не дошло, что происходит.

— Мы разводимся, — Маша выдыхает и уходит с крика в наигранно спокойный тон. — Вопрос алиментов, опеки, участия в вашем воспитании мы уже будем обсуждать с адвокатами. А теперь...

Она подходит к креслу, щурится на меня и шипит:

— Пошел прочь! — вскидывает руку.

— Так не пойдет, Маша, — поднимаю взгляд. — Я не буду убегать по твоему приказу. И ты влезла в мой разговор с дочерьми.

У меня вышла горячая новиночка “Милая, у нас не будет развода”. Приглашаю в гости!
<https://litnet.com/ru/reader/milaya-u-nas-ne-budet-razvoda-b459085?c=5317587>

— Я хочу другую женщину.

Я поворачиваю лицо к Егору, и мне кажется, что в гнетущей тишине слышен хруст моих шейных позвонков.

— Что? — мой голос скрипит тихим недоумением.

— Хорошо, Инга, я повторю, — Егор медленно выдыхает через нос, глядя черными глазами на дорогу. — Я хочу другую женщину.

Глава 14. Оставь их

— Пошел прочь!

Мой крик оглушает меня саму, а затем будто невидимая теплая рука хватается меня за шкирку и рывком вытягивает из черного безумия и отчаяния.

Я вижу своих дочерей.

Бледных, испуганных, с широко распахнутыми глазами. Держатся за руки.

Я вижу свекровь. Молчаливую и печальную.

Я вижу Виктора.

Я вижу его глаза.

Усталые. С тонкими морщинками в уголках век.

Вижу редкие и единичные седые волоски в его висках.

Я отступаю и сажусь, вглядываясь в его лицо, будто в первый раз его вижу.

Я его помню мальчишкой, подростком, юношей, молодым и энергичным мужчиной.

А теперь запомню зрелым мужчиной с усталыми глазами.

Злость и обида расплзается на лоскуты под откровением, что мой мальчик, который списывал у меня контрольные, стал дядькой.

А я стала теткой.

— Маша?

И голос его стал другим. Более глубоким, но в то же время он звучит тише.

— Ты прав, Виктор, — шепчу я. Молчу минуту, разглядывая его лицо будто чужое и тихо говорю, — Я должна тебя отпустить.

У меня не дрожат руки, и сердце больше не колотится раненой птицей о ребра в желании вырваться на свободу.

— Мы любили, — шепчу я. — Так любили. Самозабвенно, дико и отчаянно. Каждая минута с тобой была радостью, Виктор. Я была с тобой девочкой, девушкой и женщиной. И я была счастливой. Даже тогда, когда ела пустые макароны в съемной комнате. И ты любил меня. Все эти годы любил, — перевожу взгляд на девочек, — ты подарил мне дочерей. Красивых, здоровых, умных девочек, — ласково улыбаюсь и вновь смотрю на Виктора, — И если бы я вернулась назад на двадцать четыре года, я бы все повторила.

Закрываю глаза.

— Повторила, — киваю и вновь вглядываюсь в его глаза. — Ты мне сделал больно. Очень больно, Виктор... Но... правда в том, что я не хотела бы, чтобы ты был несчастлив со мной после всех этих светлых и теплых лет.

Ресницы Виктора вздрагивают, зрачки расширяются, и в уголке левого глаза вспыхивает слеза.

— Девочки, — перевожу взгляд на дочерей, — я вас сегодня не ждала. Если бы знала... то, — пожимаю плечами, — этого бардака бы не было. Я не хотела вас пугать, — сердце в груди бьется тихо и слабо. — Я жива, папа жив. И да, мы разводимся, потому что... так случается. Я не знаю, что вам еще сказать. Мне больно, обидно и очень страшно, но я теперь тоже не вижу смысла быть с вашим папой.

— Девочки, — шепчет Виктор, — я не хочу вас терять...

Дочки смотрят на него испуганными белочками, медленно выдыхают и по их щекам катятся слезы.

— Нет... — шепчет Лиза. — Это все неправда...

Валентина стоит в стороне, крепко прижав ладонь ко рту, и плачет.

— Вы не можете... — сипит Надя.

— Не уходи, папа, — Даша всхлипывает. — Не надо. Папа... Нет... — смотрит на меня в ужасе, — мам... нет... не надо...

— Другого выхода нет, девочки, — тихо отзываюсь я. — Наша жизнь меняется. И никто от вас не отказывается. Мы будем обсуждать совместную опеку. Например, неделя со мной, неделя с папой. Если захотите больше времени быть с папой, я не стану этому препятствовать. Он ваш отец.

— Фигня! — Лиза вскакивает на ноги и зло смотрит на меня, а затем на Виктора. — Фигня! Козел!

А затем испуганно замолкает, потому что она впервые бросила в отца грубость и оскорбление. Даша и Надя тоже поднимаются на ноги, встают рядом с Лизой, поддерживая ее слова.

— Справедливо, — Виктор выдерживает их взгляд.

— Ты должен любить только маму!

— А мама тебя!

— Только друг друга!

А затем кричат и бросаются прочь из гостиной. Прилетает и Валентине, которую они отталкивают в сторону. Она тихо охает. Топот ног по лестнице.

Виктор закрывает глаз. Прячет лицо в ладонях, упершись локтями о колени, когда со второго этажа доносятся новые крики и громкий хлопок двери.

— Ты адвоката нашел?

Убирает руки с лица, смотрит на меня с некоторой озадаченностью.

Наверху грохот и крик. Валентина делает шаг, и твердо шепчу:

— Пусть.

— Но.

— Ты и привезла, Валь, раньше времени, — не отвожу взгляда от Виктора. — Никто из нас не был к этому готов. И они дочери своей матери. Пусть крушат все вокруг. Имеют право.

— Но если навредят себе?

— У меня и в мыслях не было вредить себе, — перевожу на нее усталый взор. — Уничтожить все вокруг — да, но не навредить себе. И ты сейчас попытками их утихомирить ничего не добьешься. И какие тут разговоры, объятия и правильные слова, когда больше нет мамы и папы. Теперь будет мама отдельно и папа отдельно.

— Ненавижу!

— Ненавижу!

— Ненавижу!

Бам! Бабах! Опять крики и вновь грохот. Сердце сжимается. Виктор молча встает и шагает к двери

— Уходишь? — Валя возмущенно вскидывает бровь.

— Нет, — ослабляет галстук, — проконтролирую.

— Оставь их, — вздыхаю я.

— Тут наши мнения расходятся, Маш, — оглядывается. — И нет, я не буду лезть к ним сюсю-мусю.

— Ты можешь просто переждать в стороне, — пожимаю плечами.

— Это не последняя их истерика, — усмехается. Взгляд бесцветный. — И они мне нужны любимыми. Злыми, колючими, с ненавистью ко мне. Пусть в меня швыряют вещи, а не в стены. Это не стены с тобой разводятся, а я.

Глава 15. Приложили головой

— Тебе надо сходить на свидание, — говорит Валя, и я отвлекаюсь от телефона.

У меня сейчас голова забита ремонтом в студии маникюра, поиском талантливых мастеров и организации рабочих мест для них.

На прошлой неделе я получила документы о разводе.

Виктор согласился выкупить у меня половину его бизнеса, и я эти деньги пустила на свое дело.

А еще он оставил дом.

Я хотела его продать.

Но не стала.

И не из-за Виктора или из-за того, что там бродит его тень.

Ничего в этих стенах не бродит.

Этот дом хотела я. И я его выбирала, и я добивалась его покупки. Мне нравится район, мой сад и соседи.

И я в нем была счастлива. Стены не виноваты в том, что мой муж меня разлюбил. Эту боль я принесу и в новый дом, потому что тень Виктора живет в моей груди.

— На свидание, Маш, — Валя делает глоток тыквенного латте.

— Обязательно, — киваю я и откладываю телефон.

И да. У нас с Виктором совместная опека.

В тот день, когда мы сказали о разводе, он пробыл с девочками до самой ночи.

Как я выжила тогда? Как не сошла с ума?

Девочки так кричали.

Они не только бросали в него вещи. Они его били.

Когда он ушел с рассеченной бровью, порванными пиджаком и рубашкой, они всю ночь выли.

Меня к себе не пускали, но пустили Валю.

Затем Виктор опять пришел.

Сценарий повторился.

И повторялся, повторялся, повторялся...

А он упрямо приходил. Каждое утро на весь день. Я не лезла.

Пришло осознание того, что мне с этим мужчиной не быть, и я не должна больше видеть в нем мужа.

Только отца моих дочерей.

И этот отец дочерей убирал хаос в доме, который навела я, готовил завтраки, обеды и ужины для девочек, которые в один день все же спустились и сели с ним за стол.

А затем насупленные поехали смотреть квартиру, которую он снял. Она им не понравилась.

Я думаю, что только из-за упрямства.

Виктор принял их решение, и они вместе устроили поиск новой квартиры. Без новых слез, истерик, конечно, не обошлось.

Теперь он живет в двухэтажной квартире с джакузи и даже небольшой компактной сауной.

Чего не сделаешь ради детей, да?

Я знаю, что мои дочери не смирились с нашим разводом. Они все еще обижены, потому что истерики прорываются, и в знак протеста они часто уезжают к Вале. Как от Виктора, так и от меня.

А Валя заняла нейтралитет. Наверное, она и правда ко мне испытывает теплую привязанность и уважение.

— Точно пойдешь на свидание? — она щурится. — Маш? Ты, конечно, сейчас из себя вся такая деловая и важная, но ты еще и девочка. Развеяться не мешало бы. Отдохнуть, отвлечься, покрасоваться...

— Схожу.

— Когда там твоя студия откроется?

— Скоро.

— Я буду первой клиенткой, — протягивает руки, — а то посмотри, с каким ужасом хожу. Кошмар же! Я к тебе и своих бабок притащу, — щурится, — будут просить скидки, а ты не давай. Никаких скидок, Маш.

— Хорошо, — улыбаюсь и подпираю лицо кулаком. — Вот будет забавно, если прогорю.

— Ты и прогоришь? — Валентина хмыкает и отмахивается. — Ой, перестань. Кто угодно, но не ты. Ты не та отличница, которая зубрежкой получала пятерки, — стучит по виску, — а умом. Живым умом.

— Спасибо.

Она замолкает на секунду, подносит кружку с латте к губам и шепчет:

— Какой же он дурак, господи.

— Валь, прекращай.

В груди саднит. Там уже ничего не брызжет фонтанами кровью, не горит и не пульсирует. Саднит. И саднит постоянно. Без передышки. Даже во сне.

— Извини, — Валентина вздыхает. — Я не хотела. Вырвалось. И вырывается, Маш. Сейчас реже, — отставляет кружку, берет меня за руку и вглядывается в глаза, — ты замечательная. И я рада, что у меня есть ты. Была невесткой, а теперь подруга. И... я честно с удовольствием погуляю на твоей второй свадьбе.

— Как мы быстро перескочили со свидания на свадьбу, — тихо смеюсь я.

— И платью помогу выбрать. И тост такой скажу, что мой сын, идиотина такая...

— Валь.

— Ну, ты меня поняла, — сжимает мою ладонь крепче. — Я рядом. И еще скажу быстро, но ты не кусайся... Никого больше я так к себе близко, как тебя, не подпущу. Пусть любит кого хочет, Маш. Я не буду возмущаться или переть против его новой бабы, но... такая Маша у меня будет одна.

Касаюсь экрана, смотрю на часы и вздыхаю:

— Мне пора, — встаю, — поеду девочек забирать. Может, опять к вам наострят лыжи.

— В этот раз они девочки от Виктора ко мне не рвались со слезами, — Валя поднимает взгляд. — Я ждала.

— Это подозрительно, — подхватываю сумку с соседнего стола. — И в этот раз без особых психов поехали к нему. Ничего не разбрасывали.

— Может, все-таки не зря платите детскому психологу?

— Очень на это надеюсь, — закидываю сумку на плечо. — Ну, либо они что-то задумали.

— Если честно, то можно даже предположить что, — Валентина устало смотрит на меня. — Чтобы мама и папа были вместе.

— Увы.

— Надежда умирает последней, Маш. А детская надежда она самая живучая.

— К ним придет смирение, — слабо улыбаюсь. — Тогда, когда ваш сын наконец-таки познакомит их со своей любовью. Чего он тянет жилы?

— Он у меня тугой, — Валентина откидывается на спинку стула. — Я сама сижу и жду его новую любовь. Тоже что-то не торопиться знакомить, — в ее голосе проскальзывает раздражение. — Может, там и нет любви, а? Может, он у просто так придурочный, и акушерки

его уронили вниз головой, пока я этого не видела? И сильно так приложили, похоже. Несколько раз.

— Есть, — стискиваю ремень в пальцах. — У него есть роман с той женщиной, Валь. Я с ней встретилась на днях.

Глава 16. Мир тесен

Два дня назад

— Да, я буду на месте где-то через час, — выхожу из цветочного.

Подмышкой у меня — горшок с фикусом.

— Принято, — воркует девичий голосок. — Я тогда собираюсь и выезжаю.

— Может, Настюш, тогда мы с тобой и в другие помещения заглянем, а? — шагаю по тротуару. — В этих двух я уверена, а с остальными не особо.

— А сколько у вас в планах студий?

— Пока пять, — уворачиваюсь от толпы подростков. — Сейчас точно одну открываем, срочно ремонт, людей ищу, а остальные... местечки ищу хорошие. Ты их замеришь, накидаешь дизайн... и понятное дело, что все в одном стиле.

— Конечно, Мария. А бригаду ту же оставляем? Вы ими довольны? — Настя чем-то шуршит.

— Пока довольна, — сворачиваю за угол и кидаю взгляд на вывеску кондитерской. — Пока работают без нареканий. Я бурчу для порядка, ясное дело.

Хочу я или не хочу заварного пирожного?

Прислушиваюсь к себе. Нет, не хочу. И в поисках желания полакомиться сладеньким опять натыкаюсь на нозящую тоску.

Встряхиваю волосами:

— Все, Настюш, до встречи. Мне еще одной девочке по рекламе надо позвонить.

Прячу телефон в карман легкого пальто, и шагаю к парковке.

Цепляюсь мыслями о том, что надо развернуть такую рекламную кампанию, чтобы все обалдели от креативности, агрессивности и крутости моего детища.

Я должна быть первой среди остальных.

И да, я особо не раздумывала, куда податься. Посмотрела в один из вечеров на свои отросшие и кое-где обломанные ногти и решила, что можно деньги пустить на маникюр. Только в более серьезном масштабе.

Это же вечная проблема найти хорошего мастера, и теперь у меня их будет просто куча и по всему городу.

Может, идея так себе.

Может, я потерплю в итоге фиаско.

Ну и ладно. Главное, что сейчас я вся в заботах. Сажу на звонках, бегаю по городу, ищу мастериц и думаю не о Викторе, а о риелторах, которые пытаются мне втюхать нерентабельные помещения.

Шагаю мимо машин и останавливаюсь, когда слышу знакомый женский голос:

— Мария?

И этот голос проходит по моему сердцу острым лезвием.

Я оглядываюсь.

У белого хэтчбека с грязными брызгами на боках стоит удивленная Лариса.

Первая мысль — трусливо сбежать, спрятаться в машине и с визгом шин ретироваться.

Но я же взрослая женщина. И понятное дело, что я ее узнала, и будет глупо уходить.

— Здравствуйте, Мария.

Она хорошо выглядит. К моему большому женскому сожалению. Светлый тренч, узкое молочное платье и легкие локоны до плеч.

Подстриглась.

— Неожиданно, — говорю я, когда она торопливо шагает ко мне.

Перехватываю горшок с фикусом поудобнее, и Лариса бросает на него беглый подозрительный взгляд.

Да, дорогуша, я бы с удовольствием разбила этот горшок о твою голову, но тебе повезло. Я понимаю, что это ничего в моей распрекрасной свободной жизни не изменит.

Конечно, мне бы было приятно лицезреть на лице Ларисы ошметки грязи, однако я разумная женщина, пусть мне и очень больно.

— Здравствуй, Ларис, — мягко улыбаюсь я. — Вот уж мир тесен, да?

— Да, — она запахивает тренч и тоже неловко улыбается, — я тут по делам. Надо кое-какие бумаги закинуть.

— Я тоже по делам, — медленно киваю я.

Смотрим друг на друга.

Бывшая любовь Виктора и настоящая. И нам бы сейчас вежливо разойтись, но мы что-то не торопимся прощаться и разбегаться в разные стороны.

— Слушай, — Лариса суетливо заправляет локон за ухо. — Я не знаю, что сказать.

— Ничего не говори, — пожимаю плечами. — Я не жду от тебя каких-либо оправданий, Лариса.

Кусает губы и выдыхает:

— Но поговорить-то надо.

— О чем? — вскидываю бровь, и в мои внутренности медленно входят острые льдинки обреченности. — Или о ком?

Глава 17. Я ничего не знала

— Слушай, Маш...

— Давай оставим Марию? — устало вздыхаю я.

— Ладно, — Лариса прячет руки в карманы тренча. — Я не уводила его из семьи. И у нас ничего не было, когда вы были вместе. Совсем ничего.

— Да, мне Виктор все это сказал, — медленно киваю.

А, может, все-таки надеть ей на голову горшок?

— Слушай, я даже и не думала... не знала... — смотрит на меня и опять неловкой улыбается.

— И даже не подозревала, да?

Вопрос выходит резким и насмешливым, но мне простительно. Я была вся в заботах, а меня бесцеремонно выдернули из них и опять посадили в лужу “разведенки”. И мне эта лужа не нравится. В ней холодно и противно, и я в ней чувствую себя обиженной на весь мир пупырчатой жабой, которая печально урчит в одиночестве.

— Нет...

— Не подозревала и поэтому уволилась?

— Он меня уволил.

Интересно. То есть мой честный Виктор и по своей любви катком прошел? Хотя... это в его стиле.

— И ты спокойно ушла, без вопросов и подозрений с хорошей должности, высокой зарплаты? — усмехаюсь я. — Ларис, ну мне хоть не заливай. Слушай, я, конечно и как оказалось, не очень хорошо знаю Виктора, но помню его взгляды, когда он в меня втрескался. Да, он сейчас не тот мальчишка, однако... некоторые повадки не сотрешь годами. И это я сейчас без претензий к тебе.

— Я не тот человек, который закатывает истерики при увольнениях, — Лариса вздыхает. — Уволили меня по всем правилам. Да неприятно, но у меня большой профессиональный опыт.

— Рада за тебя.

Действительно, чего ей было бояться при увольнении? Я не сомневаюсь в ее профессиональных навыках, и я поверю, что она могла принять такую новость спокойно.

Либо сама могла быть влюбленной в Виктора, и поэтому тоже решила, что такой сценарий будет меньшим из злом.

Любить женатого для честолюбивой и уверенной женщины — то еще испытание.

Перевожу взгляд на фонарь, а потом вновь смотрю на Ларису:

— Он, как любой человек, хочет быть счастливым. И я рада тому, что он не ложился со мной в кровать после тебя или любой другой женщины. А ведь мог. Я хоть себя грязной сейчас не чувствую.

В глазах Ларисы пробегает темная тень. Я ее задела? А у меня и в мыслях не было ее укусить.

Только разбить горшок о ее макушку, а после подергать за ее идеальные патлы.

И как хорошо, что я сама сейчас не как отчаянная бомжиха выгляжу.

Это я в душе такая, а снаружи — гордая красавица, которой будто фиолетово на бывшего мужа и его новую шалашовку.

— Я тебя, Мария, очень уважаю, — Лариса вздыхает. — И даже восхищаюсь.

— Не надо мной восхищаться, — тихо цыкаю я, учуяв под тоном Ларисы мягкую ложь. — Проигравшими не восхищаются. А я честно проиграла. И даже не в борьбе с тобой. Я потерпела фиаско перед реальностью, в которой мужчина может разлюбить. И не ты бы, так другая.

Опять в глазах Ларисы тень.

Блин. Я вновь уколола Ларису. Почему у меня так не получается, когда я хочу целенаправленно кого-то ущипнуть за болезненное место?

— Значит, у тебя ко мне нет... злости?

— Нет, — устало вздыхаю. — Я без понятия, что там будет дальше, Ларис. У нас же еще общие дети, не представляю, как они тебя примут... Я сейчас не загадываю наперед. Смысл? Ко всему не подготовишься.

Вокруг мужчин всегда много женщин. Они везде. И глаз за них цепляется лишь тогда, когда с нынешней женщиной все катится под откос.

Я пропустила этот момент.

Но я не уверена, что у меня был бы контроль над ситуацией, даже если бы я заметила, что Виктору становится рядом со мной душно.

Господи, да какой контроль? Только если сделать ему лоботомию, кастрировать и ослепить.

— Это точно, — ежится под порывом холодного ветра. — Я вот дар речи потеряла, когда Виктора увидела... И, кстати, тоже на парковке. Ждал меня у работы...

Глава 18. Даже удивительно

По идее, я должна сейчас испытать дикую взрывную ревность, но ее нет. Может, нагонит позже, однако я действительно не испытываю к Ларисе отчаянной ярости брошенной женщины.

— А ты и рада его появлению на парковке? — усмехаюсь я. — Ларис, давай честно. Ваши флюиды были взаимными? Я могу поверить, что ты и он держали себя в руках, потому что была помеха в лице меня, но... взаимно?

— Ну, знаешь, — Лариса сглатывает. — Многие заглядывались на Виктора.

— Ну да... — тяну я. — Как же не заглядываться на такого мужика? Ну, поздравляю, ты выиграла среди остальных.

— Я не считаю тебя проигравшей, Мария.

— Да тут не твое мнение важно, Ларис, а итог. Ты сама-то была в длительных отношениях?

— Я была даже замужем.

— Причина развода?

— Бывший много пил и играл.

— Ну, тебе повезло. Виктор не пьет и не играет. Но ты это уже и сама знаешь.

Мне плохо и тоскливо от того, что Виктор ушел. Именно от того, что покинул наш дом и отринул наш многолетний брак.

Смотрю на Ларису, и я не вижу в ней соперницу, что очень странно. Виктор же в нее влюбился и ради нее вырвался на свободу. Так почему я не хочу пускать сопли и слезы?

У меня в голове рисуется картинка, как Виктор ждет Ларису на парковке.

И нет в этой картинке воодушевления, страсти, радости и волнения.

Мрачная решительность — да.

Вот именно мрачная решительность Виктору подойдет при встрече с Ларисой. И будет в его характере. Он, сволочь, год мариновал жену в романтике, ходил к мозгоправу, страдал, потом все честно вывалил о своей “любви”, получил люлей от дочерей и продолжает их получать...

Какое нафиг тут трепетное волнение?

Да он из-за упрямства пошел бы к Ларисе, показал бы себя такого красивого и взял бы в агрессивный оборот. Ведь он именно ради этого момента все разрушил.

Он бы бабочек в животе словил, если бы сразу поддался искушению и замутил измену на волне интереса к Ларисе, но не на парковке после истерик дочерей, бракоразводного процесса и общения с адвокатами.

Я прям будто наяву вижу это злую решительную рожу и глаза, в которых можно прочесть “я ща тебе всю свою любовь покажу”.

Смеюсь. Лариса с недоумением приподнимает бровь.

— Прости, — сглатываю последнюю смешинку. — Это нервное. Слушай, мне пора. У меня встреча, не хотела бы опаздывать.

Разворачиваюсь и шагаю к своей машине, в которой я даю себе минуту передышки, наблюдая за тем, как Лариса идет прочь. Статная женщина. И плавная, как кошка.

Стыдно признаться, но я ждала этой встречи. Конечно, я бы сама искать Ларису не стала. Во мне еще осталась крошка самоуважения.

Вот и не верь после этого в силу мысли и Вселенную, которая реагирует на наши желания.

— И как она тебе? — смотрю на горшок фикуса, который я “усадил” на соседнее сиденье. — Красивая. И будет хорошо смотреться рядом с Виктором. У него есть вкус. Он же у нас не тупой придурок, который на юность клюет.

Сжимаю и массирую переносицу двумя пальцами.

Мне было куда легче, когда я все кругом громила. Тогда была просто ярость, и я не думала о будущем и о том, что обязательно наступит завтра. И послезавтра. И что мне придется жить в новой реальности без мужа, к которому я не лягу под одеяло с глупыми разговорами, и он меня не обнимет и не поцелует в висок.

И мне без разницы, один теперь Виктор будет или с кем-то.

Его не будет у меня.

И никто его у меня не крал и не уводил.

Проблема не в этом.

Истина в том, что он ушел не к Ларисе, а от меня. Если бы я была все той же Машулькой, то не было Ларисы.

Машулька. Прижимаю кулак ко лбу. Горло схватывает спазм.

Он не называл меня Машулькой эти полгода до своей правды.

Закрываю глаза. По щеке бежит слеза.

Не было Машульки.

Почему я поняла это только сейчас?

А затем всплывает тот день, когда все вскрылось.

Он не говорил мне, что хочет уйти к Ларисе. Только о том, что его переклинило на влюбленности. И чемодан не он собирал и просил о разговоре. И психолога привел. Семейного. Не индивидуального, а семейного.

Это была его последняя попытка спасти семью?

Я понимаю, что иначе бы я не поступила, но будь я другой женщиной, которую бы не накрыло истерикой, яростью и криками... Если бы я села с ним спокойно поговорить, а не выводила на ответную агрессию, то к чему бы мы пришли?

И я не думаю, что он сразу побежал к Ларисе. Нет. Он все силы бросил на то, чтобы в первые месяцы потрясения не упустить девочек. Возможно, поэтому наши дочери не окрылись на него. Они не почувствовали того, что он крутит лямур-тужур на стороне и что они сейчас у него на первом месте.

Он мог заявиться к Ларисе только тогда, когда ситуация хоть немного устаканилась, и в самой Ларисе я не почувствовала той женской уверенности, что мужик глубоко заглотил крючок и не сорвется.

— Стоп. — выдыхаю я и провожу ладонями по лицу.

Мне не должен быть важен срок их отношений. Как и то, заглотил ли Виктор крючок Ларисы.

Во-первых, я даже думать не буду в сторону “может, он еще вернется” или “вдруг он все осознает”. Мне этого не надо.

Во-вторых, Виктор не тот человек, который подвержен метаниям. Он сказал, что не ползет обратно. И он этого не сделает. Даже если он нырнет в дикие сожаления о потерянной семье, годах, нашей любви и разочаруется в Ларисе до тошноты. Не скажет он “давай попробуем еще раз”.

В тот день, когда открыл свою правду, он мог еще подергаться, но не теперь. Он мне наговорил многого, и я знаю, что за свои слова, даже сказанные сгоряча, он отвечает.

— Даже удивительно, что мы с тобой, Вить, — вздыхаю я и пристегиваю ремень безопасности, — столько лет продержались.

Глава 19. Выпьем чаю?

Моросящий дождь оседает на лобовом стекле мелкими капельками. На улице не холодно. Просто муторно и уныло.

Сажу, откинувшись назад и гипнотизирую капельки, которые сливаются вместе, а затем стекают тонкими струйками по стеклу.

Я знаю, что не умру без Виктора.

И меня не ждет благословенное безумие, в котором я бы забылась.

Я буду дальше жить.

И эти двадцать четыре года, которые мы были с Виктором вместе мне не стереть из памяти.

Я вчера перебирала фотографии в желании их сжечь на заднем дворе в мангале, на котором Виктор раз в месяц жарил шашлыки.

И не смогла.

Я не плакала.

Я смотрела на наши подростковые моськи.

Виктор - лихой хулиган, а я — милая отличница.

Затем час провела за свадебным альбомом. После убрала все обратно и пила чай в тишине на кухне.

Я не умру без него.

И это так странно. Я лишилась половины души, а сердце бьется. Тело живет. Я чувствую жажду, голод, усталость и справляю нужду.

Вздыхаю, сверяюсь с часами на смартфоне и звоню Даше. Идут гудки. Трубку не берет.

Звоню Лизе. Та же история.

И Надя не отвечает.

Палец замирает над контактом Виктора.

Касаюсь экрана, вслушиваюсь “абонент временно недоступен”, и в груди нарастает тревога.

Что происходит?

Я когда за ними приезжаю, то звоню и жду в машине. С Виктором не хочу лишний раз пересекаться.

— Ладно, — прячу телефон в карман и выхожу из машины.

Бегу к крыльцу дома, поднимаюсь и набираю номер квартиры Виктора. Тишина. Тут сердце учащает свой бег.

Писк, открывается дверь и на улицу выходит девушка с короткими ярко-розовыми волосами. Сует в уши наушники, надувает жвачный пузырь, а я вбегаю в холл.

Фантазия начинает разыгрываться.

Они угорели всей толпой в своей идиотской сауне? Утонули в джакузи?

Тыкаю в кнопку лифта, который едет целую вечность.

Через несколько минут я вылетаю из лифта, бегу по мраморному полу к двери под номером “25”.

По пути обдумываю дальнейший план: куда звонить, куда бежать, если случилась беда.

Долблюсь в дверь кулаками.

— Виктор! Девочки!

— Иду!

Замираю от голоса Виктора. Скрежет ключей в замке, дверь распахивается и немая сцена.

На лице Виктора недоумение, на моем — ужас.

— Маш? — он медленно приподнимает бровь. — Ты чего?

— Девочки... — шепчу я.

— Девочки! — Виктор отступает, пропуская меня в квартиру. — Мама приехала! Вы собрались?

— Почти! — раздается со второго этажа голос Даши. — Мам! Мы щас!

— Какого черта вы на звонки не отвечаете?! — с яростным шепотом толкаю Виктора в грудь.

— Ты не звонила...

— Всем вам звонила! — рявкаю я. — Никто не отвечает!

— Ой! — кричит Надя. — Мам, прости! Беззвучный стоит! Блин!

Недоумение Виктора сменяется тенью подозрительности. Выхватывает телефон из кармана тонких хлопковых брюк, смотрит на экран и поднимает на меня взгляд:

— Режим полета.

— Какого черта?! — цежу я сквозь зубы. — Ты сейчас не в самолете!

— Я в курсе...

Минута молчания. По краю сознания пробегает мысль, что Виктор сейчас непросто по-домашнему уютен. Футболка, штаны, тапочки.

— С домофоном что?

Я оглядываюсь. Экран на домофоне — черный, зеленая кнопка питания не горит. Медленно выдыхаю, приглаживаю волосы и закусываю губы. Потом смотрю на Виктора, который молчит и сжимает переносицу.

— Я так понимаю, это девочки...

— Ты невероятно сообразителен, — устало вздыхаю я и повышаю голос. — Девочки! Вы знали, что я приеду в шесть вечера! Спускайтесь!

— Сейчас! Блин! Почти готовы!

— Маш, может, ты пройдешь и я не знаю...

— Чаю выпью? — приподнимаю бровь.

— Да.

И смотрит на меня, будто я ему не бывшая жена, а подруга, которая в гости заскочила.

— Издеваешься, Вить? — прячу руки в пальто. — Какой к черту чай?

Глава 20. Четверки-пятерки

— Обычный чай, — Виктор пожимает плечами.

И я с этим человеком прожила в браке двадцать лет. Как я выдержала его характер? Медленно выдыхаю через нос. Его точно уронили в детстве вниз головой.

— Ты лучше скажи, у них в школе все нормально?

— Как обычно, пятерки-четверки, — он тоже прячет руки в карманы штанов. — У тебя как?

— Нормально, — убираю локон за ухо. — Если перевести на бальную систему, то тоже пятерки-четверки. У тебя?

— Смотря по каким предметам, — он улыбается, и у меня в душе что-то болезненно дергается. — Отцовству ставлю сегодня крепкую четверку.

— Прекрасно, — киваю я.

— Домоводство тоже четверочка.

— Прелестно.

— Одну сделку закрыл, — продолжает он. — Поставлю пятерку. С минусом.

— Молодец, — хмыкаю я и спрашиваю, — а ларисоведение?

Едва заметно щурится, одарив меня мягкой усмешкой:

— На этот вопрос я отвечать не буду.

— Не похващаешься пятерками?

— Нет.

— Или это факультатив?

Клонит голову на бок, разглядывая меня:

— Как у тебя дела с твоим начинанием?

— Хорошо.

— Помощь не нужна?

— Нет, — медленно моргаю. — Не нужна.

— Не от меня, да?

— Не от тебя, — медленно киваю.

Смотрим друг другу в глаза. Я бы не сказала, что он расцвел, как благоухающий цветочек под весенним солнышком, но и не завял.

Обычный Виктор. Домашний

И это меня шокирует. Я, как женщина, жду двух вариантов от мужчины, который вышел из многолетнего брака. Невероятную радость, воодушевление, грудь колесом.

Либо же потухшие глаза и бутылка в руке.

А тут ни того, ни другого.

Да и я перед ним стою не страдальца в классическом понимании этого слова. Нет опухших от слез глаз, одета с иголочки, голос не дрожит.

— Мам, — кричит Даша, — может, ты поднимешься и посмотришь на нашу комнату? Вдруг мы живем в жуткой конуре?

— Спускайтесь! — отвечаю я. — Девочки! — затем смотрю на Виктора. — Вы поужинали?

— Да, — не отводит взгляда. — А сама ты ужинала?

— Что?

— Я могу с собой тебе...

Я опять проваливаюсь в недоуменное молчание.

— Суп чечевичный, салат и паста с креветками, — продолжает Виктор.

— Ты сейчас опять серьезно?

— Да.

— Вить, — тяну я. — Это, конечно, мило, но... тормози, — а затем я лгу, — я поужинала.

— Хорошо.

Топот ног, и Виктор шагает к шкафу, из которого выуживает куртки. Ждет, когда девочки наобнимаются со мной и протягивает куртки каждой из наших дочерей.

— Прости, мам, — Лиза вздыхает. — Рюкзаки не собрали заранее.

Затем они обнимают Виктора, который целует каждую из них в макушку. Я терпеливо жду. В груди опять что-то дергается и затихает, когда я прикусываю щеку.

— А у нас есть ключи, — Даша встряхивает связкой ключей перед собой и оглядывается на Виктора. — Придем, когда не ждешь.

— Я всегда жду, — он мягко улыбается.

— На выход, девочки, — распахиваю дверь.

Девочки натягивают шапки на головы, подхватывают рюкзаки и выходят из квартиры. У лифта оглядываюсь на Виктора и говорю:

— Пока.

Девочки машут ему руками, затем цыплятами приваливаются ко мне в ожидании лифта, который опять не торопится приезжать.

Виктор дверь свою ублюдочную не закрывает. И тоже ждет на пороге.

— Заходим, — подталкиваю девочек, когда двери лифта разъезжаются в стороны. — Все, Вить, мы уехали.

— Позвоните, когда доедите.

— Ладно! — Надя выглядывает из лифта и опять машет ему рукой.

— Только телефон переведи из режима полета, — вздыхаю я и смотрю на Дашу, которая делает вид, что не понимает о чем речь.

— Точно, — долетает голос Виктора, и двери лифта закрываются.

— Девочки, — поправляю шарф на шее, — нам придется серьезно переговорить.

Глава 21. Фигня полная

- Девочки, что вы устроили? — спрашиваю я, сжимая руль.
- А что мы устроили? — спрашивает Надя с заднего сидения.
- Девочки, я понимаю, — проворачиваю медленно руль влево, перестраиваясь на другую сторону, — вы хотите, чтобы я и папа... были опять вместе.
- Даша рядом на переднем сидении с хрустом раскусывает карамельку.
- Но этого не будет, — твердо говорю я. — У вашего папы другая женщина.
- Вранье, — фыркает Лиза.
- Я не знаю, почему он вас с ней не знакомит...
- Вот пусть и не знакомит, — шипит Надя.
- Однажды это произойдет.
- В жопу ее, — сдавленно и зло отзывается Лиза.
- Ладно, — медленно моргаю. — В это лезть я не буду. В жопу так в жопу. Это уже проблемы вашего папы. Это вы ему говорите, кто пойдет в жопу, девочки.
- И твоего нового мужика тоже в жопу, — Даша немного разворачивается ко мне и зло щурится. — Вот.
- Интересно, — тяну я. — Шлем в жопу того, кого нет.
- Пошлем и тогда, когда появится, — бурчит сзади Лиза.
- Да, — с угрозой подтверждает Надя. — Будем жить тогда у бабушки.
- А вы все продумали, да?
- Нам не нужен новый папочка, — Лиза фыркает.
- Как и новая мамочка, — Даша продолжает смотреть на меня.
- В любом случае, выключать телефоны и домофоны — глупо, — пожимаю я плечами.
- Ваши старые папочка и мамочка не будут жить вместе, девочки. Вне зависимости от того, кто у кого есть или появится.
- Ты уже это говорила, — Даша с гневом выдыхает.
- Видимо, вы меня плохо слушаете.
- Наши дочери решили меня и Виктора сталкивать лбами в попытках вновь свести. Не знаю, как бы я повела себя на их месте.
- Может быть, тоже надеялась и верила, что развод — это не приговор для семьи. И что есть надежда, что мама и папа вновь сойдутся. Их надо только подтолкнуть друг к другу. Взрослые ведь такие глупые и ничего не понимают в жизни.
- Почему папа тебя разлюбил? — Даша щурится на меня.
- Сердце сжимается в черную точку боли от тихого вопроса дочери.
- Если разлюбил, — невесело хмыкает Лиза.
- Почему если? — кидаю беглый взгляд в зеркало заднего вида. — И, Дашунь, этот вопрос задать надо папе. Я не отвечаю за его мысли, чувства и сердце.
- Я у него спрашивала.
- И? И что он тебе ответил?
- Он говорил, что любит маму, — Надя цокает.
- Но любит не так как надо? — Даша продолжает прожигать меня взглядом.
- Любит, как близкого человека, — тихо отвечаю я. — Как очень родного.
- Внимательно слежу за дорогой. Зря я начала разговор за рулем.
- Мы тоже очень родные, — Даша убирает локон за ухо.
- Вы его дочки, девочки, а я была женой, — сжимаю руль до побелевших костяшек. — А жене мало быть родным человеком.
- Какая-то фигня, — недовольно вздыхает Надя.

И я мысленно соглашаюсь с ней.

Еще какая фигня. Фигвоее фигни не придумаешь после двадцати лет брака.

— То есть ты родная, мам, — Даша продолжает свой допрос, который походит на пытку, — но та... та не родная?

— Она тоже может стать родной.

— Фигня какая, — повторяет Надя.

— Станет родной и разлюбит? — недоуменно шепчет Лиза.

— Я же говорю фигня полная.

— Девочки, я не могу вам ответить на все вопросы, потому что сама мало, что понимаю, — поскрипываю зубами. — Да, папа наворотил полную фигню. Но факт остается фактом. Ему со мной плохо. Так плохо, что решил уйти, — повышаю голос. — Я ему надоела!

С визгом шин резко сворачиваю в парковочный карман. Торможу и смотрю перед собой:

— Жестокая правда в том, девочки, что вот так может быть.

Моим дочерям скоро будет по двенадцать лет. Еще два коротких года и они будут в том возрасте, когда я обратила внимание на наглого одноклассника, который подплыл к моей парте, встал рядом с ней и просто молча смотрел на меня.

Виктор тогда на мой вопрос “Чего тебе, Воронин?” нахмурился и протянул ручку с пушистым розовым помпоном на колпачке, а после уроков выхватил у меня рюкзак и потащил. И потащил не в ту сторону куда надо.

Я тогда промолчала и просто шла рядом, дожидаясь, когда этот дурак Воронин поймет, что прет мой рюкзак непонятно куда. Мы около сорока минут шли, прежде чем он спросил мой адрес.

— Мам...

Когда я ему с милой улыбкой сказала, что нам в другую сторону, он предложил съесть по мороженому. Вернулась я домой поздно. Мне влетело по первое число, но крики матери меня совсем не тронули.

Я влюбилась.

В дурака Воронина.

— Девочки, — запрокидываю лицо и закрываю глаза, — папа любит вашу маму, как вашу маму. И этого мало для того, чтобы мужчина хотел быть рядом с женщиной. Да, все очень непонятно. И я бы хотела сказать, что вы все поймете, когда повзрослеете, но нет. Не поймете. Некоторые вещи в мире надо принять как данность. Как аксиому, от которой не надо ждать доказательств и объяснений.

— Фигня, — шепчет Надя. — Полная фигня.

— И если у него есть другая, — Даша сжимает кулаки на коленях, — то он сейчас к ней поедет? Или к себе приведет? А?

Глава 22. Я свой выбор сделал

Странно.

Когда Маша зашла в квартиру, то я воспринял ее появление обычным.

Она могла бы скинуть пальто, разуться, пройти в мою спальню и переодеться. И я бы не испытал отторжения.

Она будто заглянула не к бывшему мужу, чтобы забрать у него детей, а пришла домой. И я это так воспринял.

Я ждал того, что она по-хозяйски проплывет мимо, поправит волосы и поделится тем, что очень устала. И попросит чашку чая.

И я бы не возмутился.

Я бы еще плед притащил, как это делал в браке.

И теперь она забрала дочерей, вежливо попрощалась и ушла.

А я словил когнитивный диссонанс.

Алё, Виктор, вы разведены. Она не твоя жена, и это квартира — не ваш дом.

В прошлые разы у меня этого не было, потому что она приезжала за девочками и не поднималась за ними. Только звонила кому-то из дочерей и ждала в машине.

А сегодня пришла, и у меня сработал тот механизм, с которым я жил двадцать лет.

И это есть та привычка, о которой говорят, что она вторая натура?

И нет.

Во мне нет желания сейчас выскакивать за Машей, хватать ее и возвращать. Дело не в этом.

Она не стала в одночасье чужой женщиной, с которой нас связывают только дочери.

Появилась в моем двухэтажном логове с джакузи и сауной и у меня сработал чуть ли не условный рефлекс “Жена пришла”. Надо обнять, поцеловать и накормить, а то она уставшая какая-то. А потом самому поделиться о том, как у меня прошел день.”

Только вот она ушла.

Механизм в моей голове сработал, а теперь зубчики застряли. И поскрипывают растерянностью и недоумением.

И, может, виноват парфюм?

Тот самый, который она уже лет десять не меняет. Мягкий с нотками ириса и амбры. Ненавязчивый, не удушающий и с легким шлейфом. И он у меня четко ассоциируется с Машей.

И этот запах сейчас стоит в прихожей.

Маша ушла, но словно оставила в моей квартире неуловимую нить себя.

Поэтому я иду и открываю все окна на первом этаже квартиры нараспашку.

Накидываю на плечи халат и иду на кухню.

Складываю посуду в посудомойку.

После ищу в одном из шкафчиков чай, и пробивает от макушки до пят искрой злого недоумения.

Коробка черного чая, зеленого для особых случаев молчаливой медитации в тишине и пачка жасминового чая.

А я его не пью.

Его любит Маша.

И я помню, как я закинул эту коробку в корзину, как ее потом вытащил из пакета и поставил в ящик. Бездумно, на автомате.

— Да твою ж мать, — сжимаю переносицу.

Коробка жасминового чая летит в урну.

Минуту стою в гнетущей тишине и лезу во все шкафы, холодильники и вижу те же марки продуктов, что мы закупали с Машей.

Все то же самое. Тот же ассортимент в ящиках и шкафах.

Только к овощам и фруктам у меня нет претензий, однако я и их выбираю так, как вдобила в мою голову моя бывшая жена.

Смешно.

Я и в супермаркет заглядываю в воскресенье. Это ведь день, когда едешь затариваться на неделю вперед.

Только вот вопрос.

Мне это сейчас нахрена?

Вот серьезно?

Допустим, мне важно создать для дочерей атмосферу домашнего уюта и стабильности. Папа живет неразнузданной жизнью холостяка, который кормит их едой из доставки.

У меня ведь тут тоже “мы дома”, а не в гостях на пару часов, поэтому в холодильник не должен быть пустым.

Вот он, сука, и не пустой.

И расставлено-разложено в нем так, как было в холодильнике из моей прошлой жизни.

И Маши тут не было!

Это не она тут все по полочкам аккуратненько разложила! Не она.

А я!

Надо все переложить.

И я решительно все перекладываю. С глухими матерками.

После смотрю на тот бардак, который я устроил, медленно выдыхаю и поскрипываю зубами.

Бесит.

Все же лежало, как надо. Как я привык.

Закрываю холодильник. Нет, я не стану обратно все перекладывать. Тут свои правила, свой порядок. И это порядок таков, что в холодильнике — бардак, в котором сразу не найдешь то, что тебе нужно.

Ушел от жены, а я все еще чувствую ее осуждающую тень за спиной. И она мне говорит: — Вить, ну что за бардак ты устроил? Яблоки и груши в нижнем ящике должны лежать. Молоко на боковой дверце. Так удобнее его брать. Открыл дверцу и оно сразу под рукой.

И не поспоришь же.

— К черту тебя, — тычу пальцем в сторону холодильника. — Теперь ты вот такой. Весь в хаосе.

Опускаю взгляд на дверцу морозильника. А туда я не полезу, пусть и уверен, что там тоже все аккуратненько разложено.

Приглаживаю волосы, закрываю глаза и медленно выдыхаю, и вместе с этим глубоким выдохом прогоняю тень Маши.

Она не должна быть здесь.

Выхватываю из кармана телефон, касаюсь экрана и несколько секунд медлю. Да к черту. Я не должен испытывать стыд или вину. Я разведен, черт возьми.

Прикладываю телефон к уху, гудки затягиваются и когда я уже готов сбросить звонок, раздается ласковый голос Ларисы:

— Привет.

Уходи, Маша, уходи. Я свой выбор сделал.

— Через час за тобой заеду, — коротко говорю я и сбрасываю звонок.

Глава 23. У тебя с бывшей проблемы?

— Привет.

Дверь распахивается и в салон грациозно ныряет Лариса. В ушах вспыхивают искрами небольшие сережки.

На плечах поверх черного платья белое пальто с меховым воротом. Легкий макияж, улыбка на лице.

И я ее целую, но только в бархатную щеку.

Хочу большего, но не могу отвязаться от ощущения того, что на заднем сидении сидит Маша и с укором смотрит на нас, скрестив руки на груди.

Лариса тоже хочет большего, потому что я замечаю в ее глазах разочарование.

— Куда едем? — спрашивает она и вновь улыбается.

Я имею полное право сейчас задушить Ларису в объятиях, поцеловать ее глубоко и жадно, но тень Маши презрительно вскидывает бровь.

Правда, можешь?

Ну, целуй, Воронин, а я посмотрю.

С тем же выражением, когда ты, Воронин, пытался покрасоваться в девятом классе передо мной и решил прыгнуть со второго этажа в сугроб.

А потом ногу сломал.

Только в этот раз к тебе никто не кинется и не вызовет скорую. И не разрисует гипс цветочками и солнышками.

— Поужинаем, — завожу машину и медленно проворачиваю руль.

Какой же ты дурак, Воронин. Какой тебе ужин? Ты же уже поужинал.

Вези ее сразу в отель.

У тебя ширинка вот-вот лопнет. Не ужинать ты хочешь, идиот. И что ты как девственник?

И где цветы, Воронин?

Вот ко мне ты всегда с цветами подкатывал, с безделушками. Никогда с пустыми руками не приходил, а тут растерял все навыки обольщения? Я разочарована.

— Что-то случилось? — спрашивает Лариса.

— Нет, все хорошо.

Врешь и не краснеешь, Воронин. У нас тут некрасивая ситуация. Я, ты и твоя новая зазноба. Это какой-то изврат, милый.

Думал, избавишься от меня, получив штамп о разводе? Ты смешной. Разве от меня можно избавиться? Я столько лет была с тобой.

И, кстати, дорогой, тебе придется постараться, чтобы не повторить наши с тобой горизонтальные утехы. Все, что ты умеешь, ты научился со мной.

Весь твой опыт — это я.

— С бывшей женой проблемы?

— Давай не будем о ней, — сжимаю руль.

Маша в моей голове презрительно хмыкает. И какая же она стерва сейчас.

— Я ее видела на днях.

— Лара, я же попросил, — глухо отвечаю я.

— Мне она показалась разбитой.

Маша в голове закатывает глаза. Врет она, Воронин. Ты, что, меня не видел сегодня? У меня все хорошо. Я живу дальше. Открываю свое дело.

И ты живи. Ты же этого хотел. Жить. Со мной ты умирал. По крайней мере, тебе так казалось. И знаешь, у меня идея. Как всегда гениальная, как я сама.

Не на ужин ее тащи, а к себе в квартиру. Пусть ее сладкий парфюм прогонит мой дух. Отымей ее во всех углах. Особенно в сауне.

Но вот незадача. У нас с тобой и в сауне было. Не в твоей нынешней, конечно, но несколько раз в прошлом хорошенько так попарились.

— Прости, Вить, — Лариса вздыхает. — Я больше не буду. Как девочки?

— Все хорошо.

— Слушай... — Лариса делает паузу. — Может, ты нас познакомишь?

Да, Воронин, познакомь свою красу с нашими дочерьми.

Провожу языком по внутренней стороне верхних резцов.

— Рано, — коротко отвечаю я.

— Мы с ними подружимся.

Маша в голове хохочет так, как никогда не хохотала. Медленно выдыхаю. Это я сам смеюсь над “подружимся”. Какой подружимся? Я знаю своих дочерей, и они сейчас пытаются вернуть нас Машей опять друг к другу с детской непримиримостью и упрямством.

— Вить...

— Ты торопишься, Лара. У меня была первая неделя без истерик и скандалов с девочками.

Я бы, конечно, хотел, чтобы мои дочери приняли в моей жизни новую женщину спокойно и разумно, но я же понимаю, что это все из грани фантастики. И я вынужден сейчас держать женщину, которая занимала все мои мысли последний гол, на расстоянии от дочерей.

— Я тебе не говорил, что все будет просто, — постукиваю пальцами по баранке руля.

— Возможно, не стоит так потакать детям? Да, я понимаю, что у них сейчас все непросто.

— Лара, я люблю дочерей, — тихо проговариваю я, мрачно глядя на дорогу. — И они будут в моей жизни. И терять их я не намерен. И они должны это понять. Понять, что я останусь их отцом и что не исчезну из их жизни.

— То есть...

— То есть, Лара, я мужик с тремя дочерьми, которые скоро войдут в веселую фазу подросткового гона.

— То есть я буду на втором месте?

— Будь у тебя дети, то я бы тоже был на втором месте.

Воронин! А это было хорошо! В самое сердечко бездетной женщины! О, ты еще не потерял остроту своего языка?! Резанул так резанул. Так ты не только со мной сволочь честная?

— Прости, Лара... — понижаю голос до шепота.

— Это я зря начала, — едва слышно отвечает Лариса, глядя в окно. — Ты же просил... И говорил, что все будет непросто.

— Лар. Мы сейчас только сами друг друга узнаем. И я не хочу слышать от тебя после приветствий вопросы, есть ли у меня проблемы с бывшей женой. Не сейчас, Лара. Я хочу отдохнуть, поужинать... Расслабиться. И нет, моя бывшая жена не доставляет мне проблем, Лара. Она не лезет ко мне, не мотает нервы, если ты об этом. И я уверен, что она будет идеальной бывшей женой. Потому что вот такая она, Лара. И с тобой она будет себя вести ровно и спокойно.

— Я буду для нее врагом в любом случае, — Лариса вздыхает. — И эту враждебность она передаст вашим дочерям. Я об этом беспокоюсь.

— Лар, их враждебность будет оправдана прежде всего тем, что это я ушел из семьи. Я был инициатором развода. И я разрушил их уютный мирок с мамой и папой. И сейчас я яростно лавирую среди детских обид и эгоизма. И да, если я сейчас тебя познакомлю с девочками, то острой враждебности нам не избежать. И я повторяю, — медленно выдыхаю. — Я люблю своих дочерей. Я нянчил, менял подгузники, ночами не спал. Я не был отцом для галочки,

который только сюсюкал пару минут над колыбелькой, а потом уходил по своим делам. И не буду я таким сейчас, Лара.

Притормаживаю на перекрестке и пялюсь на светофор. Маша в моей голове недобро шурится.

Что, стерва, думаешь, что я лукавлю? Что я оправдаю твои слова насчет того, что совместная опека с моей стороны сойдет на пару часов раз в месяц? Что только ты останешься в жизни наших дочерей? Нет, дорогая.

— Прости, — Лариса поддается в мою сторону, ласково вглядываясь в мой профиль. — Давай дружить. М?

Я разминаю шею. Шейные позвонки похрустывают под кожей, связками и мышцами.

— И я согласна, — шепчет она. — Нам надо расслабиться, — протягивает руку и пробегает пальцами по моей шее от уха до ворота рубашки. — Обещаю быть хорошей девочкой.

Воронин, — воркует голос воображаемой Маши, — может, тебе предложить хорошей девочке сейчас нырнуть к твоей ширинке, как однажды это сделала я посреди пустой ночной трассы? Давай, милый, хочу посмотреть на ее лицо. Выпускай своих демонов, любимый.

Глава 24. Мы забыли домашку

Девочки наперебой рассказывают, как провели эту неделю. Пересказывают со школьных забот на Виктора.

Как он помогал им с уроками, как они ходили после школы на обед в кафе, а потом гуляли.

Затем переходят к пересказу фильмов, которые они смотрели вечерами с домашним попкорном, что был приготовлен заботливым папулей.

Нет, Виктор, конечно, молодец молодцовый.

И было бы странно ожидать от него, что он улизнет от своих отцовских обязанностей после слов, что он не отказывается от дочерей.

— Папа так смеялся, когда этот гном упал в берлогу к медведю, — Лиза смеется. — И мы весь попкорн на этом моменте рассыпали.

Как вышвырнуть из своей головы бывшего мужа, если у вас общие дети?

Ответ — никак, если он невероятно принципиальный папаша, который не собирается исчезать с горизонта жизни дочерей.

Мы разошлись, а он будто вот тут рядом сидит и, сволочь, смеется надо мной, закидывая в рот попкорн.

Бархатно и низко так смеется.

Я, конечно, могу запретить девочкам говорить о Викторе, но... Опасность в том, что они могут отдалиться и от меня, и важные моменты они тоже начнут замалчивать.

Совместная опека — это полная жопа.

И мне не переехать с дочерьми в другой город, чтобы избавиться от бывшего мужа.

Этот момент я должна буду обсудить с Виктором. Это прописано в условиях совместной опеки, как и многие другие нюансы наших родительских обязанностей и прав.

Мне остается только верить, что Лариса не упустит своего, раскрутит Виктора, и они поженятся.

Только их свадьба может качнуть чашу весов в мою сторону.

— Мы хотели еще один фильм посмотреть, — вздыхает Даша, — но папа не разрешил.

— Нельзя сбивать режим, — Надя копирует интонации Виктора, и по моему сердцу бежит капля крови.

Я хочу закричать, чтобы они прекратили говорить о Викторе, но с улыбкой прикусываю внутреннюю сторону щеки.

Они любят папу.

И я бы могла начать настраивать их против него, но тогда я точно проиграю.

Такая низкая игра только для отчаявшихся и слабых женщин, которые сплелись воедино со своей обидой и гневом на мужчину.

А я не обижаюсь.

Я хочу так думать.

Да и начну капать на мозги дочерям, отворачивая их от Виктора, то неизвестно, что сама получу в итоге.

Нет. Это Виктор должен отвернуть от себя дочерей. И ему в этом должна помочь Лариса.

— Мам, мы должны и с тобой посмотреть этот фильм, — говорит Лиза. — Он, правда, смешной. Гном — просто улет. И папа так смешно пародирует его голос.

Девочки смеются, а я на грани от крика.

— Обязательно посмотрим, — улыбаюсь. — Но не сегодня. Уже поздно. И я не обещаю, что смогу спародировать гнома.

— Будешь феей, которую любит гном, — Даша пожимает плечами.

У меня, кажется, сейчас даже глаз дернулся.

Девочки упрямо смотрят на меня, а я на них.

Они не смирились и в ближайшее время не смирятся, что чертов папа-гном ушел от мамы-феечки.

— А в этом фильме гном в конце не нашел... ну, я не знаю... какую-нибудь троллиху, м? — мое лицо сминается в улыбку.

— Там была, — Лиза скрещивает руки на груди, — злая гномиха, которая гнома заколдовала.

Девочки шурятся на меня, а я на них.

— И фея боролась за гнома, — Надя хмурится.

— Да вы что? — охаю я, и мой вопрос выходит злым и тихим. — Боролась?

— Ага, — Даша с вызовом приподнимает подбородок. — Боролась.

— Только вот я не фея, девочки, — стараюсь говорить спокойно, но в голосе пробивается тихое возмущение. — И жизнь наша не сказка. Гномы у нас влюбляются в других гномов без колдовства и приворотных зелий. Надоела феечка гному до радужной рвоты.

— Может, не папа разлюбил тебя, а ты его? — Даша вскидывает бровь. — И это ты хотела, чтобы он ушел?

— Что? — я растерянно моргаю. — Это он вам такое сказал?

— Нет, — Лиза выдыхает через нос. — Про тебя он говорит только хорошее, а ты про него...

— Хватит, — шепчу я. — Это не я ушла, девочки. Не я. И это он разлюбил меня! Ясно? Он! И да, такое случается!

— Так разлюбил, что покупает твой любимый чай?! — взвизгивает Лиза. — И ту дурацкую штуку на завтраки, которую ешь только ты?!

— Гранолу, — шепчет Надя и отворачивается. — С изюмом. И какими-то еще мерзкими штуками.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы в голову Виктора вдолбить тот завтрак, который я люблю. Гранола с изюмом и кокосовыми кусочками.

— Это просто привычка, — приглаживаю волосы. — Мы долго жили вместе...

— Ага, — Надя хмыкает. — Ты что-то перестала покупать его любимый кофе. Или те крекеры с солью. У него привычка, а у тебя привычки нет?

“Действительно,” — усмехается Тень Виктора на диване и похрустывает попкорном. — “Маш, даже я сейчас задумался”

— Появится у него новая женщина, — медленно проговариваю я, — то будет ее любимые завтраки покупать.

— И это ты будешь виновата, — шипит Лиза.

— Что?!

— Да, ты, мам, — она кивает. — Ты бы могла сегодня с ним хотя бы поужинать! Он тебе ведь предлагал!

— Мы развелись! Развелись, потому что ему было плохо со мной!

— А почему ему было плохо с тобой?!

— А этот вопрос задавайте своему отцу! А теперь, — вскидываю руку в сторону двери, — марш умываться, чистить зубы и ложитесь спать!

— Ты его не любишь!

— Теперь нет!

— Врешь! — визжит Лиза. — Вы оба врете! Оба! И мы вам не верим! И если он будет покупать новой бабе завтраки, ты мы будем их выкидывать, а в кофе твоего нового мужика будем плевать!

— И сыпать песок, — шипит Надя. — И сухие собачьи какашки.

— Нет у меня нового мужика, — перехожу на холодный тон. — Мне некогда.

— И мы не будем любить новых братиков и сестричек, — Даша зло всматривается в мои глаза. — Вот так. Ни твоего нового ребенка, ни его.

Лиза и Надя решительно кивают.

— Он вас возил на этой неделе к психологу?

— Возил, — зло отвечает Лиза.

А затем девочки встают с дивана и шагают прочь из гостиной, громко топая ногами.

Меня так и подмывает позвонить Виктору и закатить ему скандал и обвинить его в том, что он своей тугостью делает только хуже. Он должен уже взять и познакомить девочек с Ларисой.

Или нам опять ждать год перед тем, как его рванет? Откидываюсь на спинку кресла и закрываю глаза.

— Мам! — до меня долетает тихий голос Даши.

Я вынырываю из липкой дремоты и со стоном провожу ладонью по лицу, прогоняя сонливость.

— Что, милая?

— Мы забыли у папы нашу домашку...

— Что?

— Проект, который всю эту неделю готовили, — Даша хмурится. — Мы про него тебе сегодня говорили. Вулкан... И он нужен нам завтра на первый урок. Лиза папе уже позвонила. Час назад.

— Что? Зачем? Сколько времени? — ищу под собой телефон, смотрю на экран.

Два часа ночи. Спина ноет, руки затекли.

— Чтобы он привез наш вулкан, — разворачивается и сердито уходит. — И он скоро будет.

— Даша, зачем?

— Затем, что нам нужна наша домашка! — разворачивается ко мне разъяренным волчком. — Вот зачем!

Глава 25. Зануда Воронин

— Слушай, Виктор, — кутаюсь в теплый и толстый халат и поправляю шапку на голове.
— Ты же мог этот чертов вулкан привезти сразу в школу.

— Не подумал, Маш, — стоит у открытого багажника.

Весь при параде такой.

Закрадывается нехорошая мыслишка, что его доченьки выдернули со свиданки. От него тянет терпким парфюмом.

Я женщина любопытная, и не всегда отвечаю за свои порывы.

Я могу разгромить дом и еще могу шагнуть к бывшему мужу почти вплотную, наклонится и втянуть носом воздух.

— Что ты делаешь, Маш? — глухо спрашивает Виктор.

Под его парфюмом я улавливаю сладкие нотки, которые выбиваются из строгой древесной композиции.

Точно.

На свиданке был. И хорошо так наобжимался, раз от него тянет женскими духами.

Сердце чернеет и съеживается в крохотную изюминку ярости.

— Маша, — говорит Виктор.

Поднимаю взгляд и медленно отступаю. Лицо лижет холодный влажный ветер.

— Не подумал? — вскидываю бровь.

В открытом багажнике лежит целая зеленая долина с крохотными деревцами и вулканом из глины. Опять смотрю на Виктора.

— Видимо, мозги были заняты другим, да?

— Слушай, обещал дочкам, что буду всегда на связи и не буду отмахиваться от их просьб, — он хмурится. — Лиза плакала и... очень волновалась, Маш. Они часами сидели над этим проектом.

— Завтра сразу в школу и привез бы, — чеканю каждый слог.

— Не подумал!

Отворачиваюсь, сжимаю переносицу до боли и минуту молчу, а затем опять в гневе смотрю на Виктора.

— Ты понимаешь, что они сейчас делают? М? Они нас сталкивают лбами, Виктор! — повышаю голос. — А ты им потакаешь! Не подумал он! Они мне сегодня такого нагородили, Вить!

— Им нужно время.

— Тебе не пора уже Ларису знакомить с девочками?

— Нет, не пора.

— Ты какого черта тянешь кота за яйца? Чтобы что? Ты даешь им ложную надежду! Что это за любовь такая у тебя?

— Ты меня сейчас будешь учить, что ли? — Виктор вскидывает бровь. — Тебя вообще это не должно касаться.

— Но меня это касается, Вить! Касается! Потому что наши дочери решили, что я должна за тебя такого прекрасного я бороться! — в отчаянии всматриваюсь в его глаза. — Понимаешь? Бороться! За тебя!

— Они — дети, — Виктор не отводит взора. — У них свой взгляд на жизнь.

— И это ты должен донести до них, что мы разбежались с концами. Ты, Вить. Не я. Это ты все устроил.

— Я не раз беседовал с ними на эту тему, Маша. Не раз.

— Да женись ты уже на своей Ларисе! — перехожу на крик. — Заделайте ребенка! В жопу твои беседы! Они не работают! Господи, Виктор!

— Я повторюсь, Маш, — голос Виктора твердый и тихий, — это только мое дело. И еще я вижу, что девочки не готовы. Я не буду себя закапывать на радость тебе.

— Ну что ты, — цежу я сквозь зубы, — я желаю тебе счастья. И верю, что наши дочери примут вашу любовь с Ларисой. И они с ней подружатся.

— Я слышу в твоём голосе сарказм, — Виктор ухмыляется. — И мне наши ангелочки четко расписали, что ждет Ларису. И это не магия дружбы.

— Ты, что, жертвуешь любовью?

— А должен пожертвовать дочерьми?

— Да ладно тебе, — фыркаю. — Новых заделаете, если поторопитесь. Дочек, сыночков. Может, с Ларисой в этом вопросе не будет таких проблем, как со мной? Я-то бракованная. Со мной-то сколько возни было!

— Что ты несешь, Маш? Ты не была для меня бракованной, — Виктор медленно выдыхает густой пар.

— И, что, сына не хотел и не хочешь? М? Может, подумаешь над тем, что Лариса может тебе наследника родить?

— Это уже твои личные тараканы, Маш. Не мои, — Виктор качает головой. — Да, наследника у меня нет, но есть три наследницы.

— И Лариса собирается ждать, когда раздуплишься? — вскидываю бровь. — Серьезно? Не люблю это выражение, но часики-то у нее тикают.

— Я не буду отвечать на этот вопрос.

— Разве ради любви не бросают весь мир к ногам?

— Возможно, — Виктор пожимает плечами. — Только что это за любовь, ради которой я затопчу своих детей?

— Да ты уже по ним прошелся катком, Виктор.

— Вот я и учел свои ошибки.

Я в ответ глухо рычу и сжимаю кулаки:

— Какой же ты... какой же ты... зануда, Воронин. Еще и не очень умный! В школу бы привез. В школу.

А затем я рывком наклоняюсь в багажник, подхватываю картонку с вулканом и слышу:

— Только аккуратно, Маш...

Я разворачиваюсь слишком резко. Картонка под наклоном, и вулкан с долиной с этого наклона слетают на асфальт.

На картонке остается несколько зеленых пятен и пара деревьев. Вулкан на асфальте развалился на две части, а внутри него был засыпан какой-то красный порошок.

Я шмыгаю и сглатываю, а затем перевожу взгляд на Виктора, который молча приподнимает брови и медленно выдыхает через нос.

— Да пошло оно все! — пинаю половинку вулкана из сухой глины, откидываю картонку, разворачиваюсь и шагаю к калитке. — Приперся. Посреди ночи. От шлюхи своей, — оглядываюсь. — Ты бы душ хотя бы принял. Или опять не подумал?

Открываю калитку и скрываюсь с глаз Виктора, который лишь шурится в ответ. Меня встречают наши дочери. Насупленные, в шапках и куртках поверх пижам.

— Двойки завтра получите. Переживете, — шепчу я, — а теперь марш спать.

Но кто будет меня слушать? Демонстративно вскидывают подбородки, обходят меня и выныривают к Виктору. Калитка за моей спиной скрипит. Я смотрю на ночное небо и стискиваю зубы.

— Девочки... — говорит Виктор. — Вы специально забыли вулкан?

— Нет, — с вызовом отвечает Даша. — Просто забыли.

— Девочки, быстро домой! — в бессилии рявкаю я.

— Мама права, — отзывается Виктор.

— Нет, — голос Лизы дрожит гневом. — Не права. И ты не прав. Ты должен быть дома. С нами. С мамой!

Глава 26. Я сейчас уйду

У меня сейчас зубы раскрошатся от напряжения и давления челюстей. Я сглатываю, выдыхаю и закрываю глаза. Кожу обжигает слеза.

— А ну, пошли в дом!

Я вздрагиваю от неожиданно строгого голоса Виктора. Я оглядываюсь.

Калитка распаивается, и Виктор за капюшоны затаскивает наших дочерей одну за другой.

Они отбиваются, огрызаются и толкаются.

— Пошли быстро в дом! Устроили нам тут черт знает что!

Вспоминаю, как он за ними бегал и ловил каждую, когда они научились ходить. Двух поймает, а третья убегает с хохотом.

— Козел! — рывкает Лиза и кидается к калитке, пока ее сестры пытаются вырваться из захвата Виктора.

— А ну, стоять! — бросаюсь за ней. — Куда собралась?!

— Отстань!

— Вот же...

Хватаю ее за капюшон:

— Мы вас сейчас выпорем, мелкие засранки!

— Пусти! Мы к бабушке пойдем!

— Да дайте вы бабушке пожить нормально, — рычит Виктор и тащит Дашу и Надю к крыльцу. — Она человек пожилой, у нее режим сна!

— Вы нам все испортили!

— Жизнь!

— Вулкан!

— Все портите! Все портите!

— А ну, не брыкайся! — я крепко обхватываю руками тощую Лизу. — Совсем ополоумели! Ночью к бабушке! Точно ремня не хватает!

С трудом под крики втаскиваем истерящих девочек в дом. Лиза пытается меня укусить, но я ее опережаю и кусаю сквозь куртку в плечо.

Не сильно и лишь для эффекта неожиданности, а затем зло рычу. Она замирает, замолкает, и Виктор, прижимая к себе Дашу и Надю, разворачивается к нам.

Несколько секунд немой сцены и недоумения, и Лиза вырывается и верещит:

— Ты еще и кусаешься?!

— Снимай ремень! — рывкаю на Виктора. — Они меня довели! Двух запри, — перевожу взгляд на раскрасневшуюся Лизу, которая зло поправляет шапку на голове. — По одной буду пороть! Я с вами, как со взрослыми, пытаюсь разговаривать, а вы ножками топаете, ручками машете, кричите... Так не пойдет, мои дорогие. Пусть папа у нас будет хорошим полицейским, а я буду плохим! — вновь смотрю на Виктора. — Ремень!

Но до Виктора, похоже, не доходят мои слова.

Может, сам испугался, что я и его отстегиваю ремнем, то ли после Ларисы не отошел с ее вонючими духами.

— Это насилие! — взвизгивает Лиза.

И я кидаясь к шкафу, раскрываю его и рывком вытаскиваю из него сумку. Отстегиваю ремешок.

Виктор выпускает Дашу и Надю из захвата, отступает в сторону, и наших дочери бегут на второй этаж под мой рывк:

— Выстроились в очередь!

Для убеждения в своих серьезных намерениях я бью ремешком по перилам. Девочки взвизгивают, спотыкаются и скрываются на втором этаже.

Виктор следует за ними:

— У вас две минуты, чтобы оказаться в кроватях!

Отбрасываю ремешок и шагаю в гостиную. Падаю в кресло, уронив руки на подлокотник. Не так страшен развод, как дети после него.

— Ты был у своей шлюхи, да?!

— Ложись под одеяло!

— Ты ее не любишь!

— Ты любишь маму!

— А мама тебя!

— Ты был у нее?!

— Да, я был на встрече с другой женщиной! Был!

Воцаряется молчание, и я поднимаю взгляд к потолку, ожидая дальнейших криков.

— Лиза, рот прикрыла! — рычит Виктор. — Сейчас говорю я.

Я скидываю бровь и приглаживаю волосы.

— Вы ничего этим не добьетесь, девочки, — говорит Виктор. — Вы только мать задержаете! И не должна она за меня бороться! Не должна! За вас — да, но не за меня! Я ушел! Это я сделал больно вашей маме! Это я после двадцати четырех лет наших отношений их разрушил! Мог ли поступить иначе? И легче ли мне сейчас? Да ничерта подобного!

— Мы тебе мешаем?!

— Нет! — от рева Виктора аж люстра подрагивает у потолка. — Нет! Не вы! Не вы! А я! Я сам себе мешаю! — несколько секунд тишины, и он продолжает тише. — Не мама виновата, не вы и не кто-то другой. Просто мир стал для меня другим, и я в нем потерялся. Я хватался за вашу маму, делал вид, что если жить, как я жил до этого прежде, я вернусь тем, кем был. Нет, не вернулся, девочки. Я решил уйти, ведь всей моей жизнью и миром была семья... вдруг там за дверью я встряхнусь? Нет. Не встряхнулся.

Закусываю губы и зажмуриваюсь.

— Лариса? — спрашивает Виктор. — Мираж, который возник из-за желания поверить, что дело в человеке, который рядом. И вместо воды у меня во рту песок, девочки.

— Может, тебе просто и нас бросить, чтобы тебе было легче? — ехидно спрашивает Даша.

— Да вы только и держите меня.

А затем следует тишина, потом я слышу шаги, и Виктор спускается по лестнице. Щелкает замок входной двери, едва слышно поскрипывают петли и вновь щелкает замок.

Я не пойду.

Нет. Не пойду за ним. Пусть уходит. Пусть выбрасывается в окно. Он — не моя забота. Не моя.

Я постою на его похоронах в красивом черном платье, спрятав бледное лицо под тонкой вуалью.

— Да черт тебя дери, — цежу я сквозь зубы.

Встаю и торопливо выхожу из гостиной. На лестнице застыли три испуганные тени.

— Спать пошли!

Девочки молча исчезают. Я надеваю шапку на голову, затягиваю пояс на халате и выхожу на крыльцо, на котором сидит Виктор. Локти на коленях, ладони — в замке.

— Я сейчас уйду, — тихо говорит он. — Иди в дом, на улице холодно.

Глава 27. Проваливай

— Нет, — сажусь я рядом. — У меня обалдеть какой теплый халат. В таком можно собак выгуливать в холодные вечера, либо с бывшими мужьями на крыльце сидеть.

Виктор усмехается, а я поправляю шапку на голове:

— А еще мне же потом придется искать черное платье и загадочную вуаль на твои похороны.

Возвращаю ему его слова о моих похоронах, о которых он посмел мне сказать в тот день своей исповеди.

Виктор опять усмехается и говорит:

— И ты бы была хороша на моих похоронах.

И я не слышу в его голосе шутки, пусть на лице его сейчас кривая улыбка.

— Вить, что, мать твою, происходит? — шепчу я.

И спрашиваю я его сейчас не как бывшая обиженная жена, а как человек, который видит, что другой человек катится прямо в пропасть.

Он чуток притормозил в момент развода, а сейчас дальше катится. Да еще и ускорился.

— Я не знаю, Маша, — продолжает смотреть вперед, будто высматривает в пустоте врага. — Не знаю.

— Ты, видимо, не этого ждал?

— Нет, не этого, — он медленно кивает. — Если честно, я не знаю, чего ждал, но точно не этого, — замолкает и переводит на меня взгляд, от которого меня пробирает озноб. — Маш.

— Что?

— Как же ты держишься?

— А у меня есть выбор не держаться? — вскидываю бровь. — Вить, я же никогда не была соплежуйкой. Для меня сложности — это... причина идти дальше. Ты мне подкинул офигеть какую сложность. Самую сложную сложность, но ты же всегда был в моей жизни самым-самым, поэтому было бы глупо ожидать от тебя какой-то легкой и скучной банальности.

— Почему...

— Что почему? — мягко улыбаюсь.

— После всего... после моих слов... почему ты сейчас говоришь такое? — глаза у Виктора недоуменные и растерянные.

— Подожди, ты же сам хотел дружить...

— Ты же поняла о чем я, — продолжает вглядываться в глаза.

Теперь я смотрю перед собой и кутаюсь в халат поглубже под легким порывом ветра.

— Я все еще хочу, чтобы ты исчез из моей жизни, — шепчу я. — Я хочу разорвать тебя на клочки, а потом эти клочки растереть в порошок... — выдыхаю. — Из порошка этого испечь с твоими потрохами пирог и съесть его... Еще скормить дочерям, соседям, — моргаю. — Я прокручиваю множество вариантов мести и злодейств, но я же не избавлюсь от тебя, Вить. Ты же останешься в памяти и прошлом, в котором я была счастлива. Мне этого не выкинуть из своей жизни.

Делаю паузу и пожимаю плечами:

— И я ценю то, что у меня было за спиной, — перевожу взгляд на Виктора. — А ты боишься, Вить. И тебе бы по-хорошему, если хочешь новой жизни, все сбросить и стряхнуть, но ты ведь не такой, да?

— Я не брошу дочерей.

— Тебе бы было легче, — слабо улыбаюсь. — И я бы не маячила в твоей жизни с воспоминаниями из прошлой жизни. Ты захотел легкости, чувственности, страсти и романтики,

а по итогу тащишься посреди ночи с вулканом к трем капризным дочерям. Где тут легкость, которую ты жаждал? И дышать тебе сейчас легче, когда жены-мамки-сестры нет рядом?

Виктор опять смотрит вперед и едва заметно хмурится:

— Нет. Но у меня нет... Маш... Нет ощущения того, что мы с тобой разведены, — хмыкает. — Вот так, Маш. Я не знаю, как тебе это объяснить.

Я молчу и недоуменно моргаю. Если он так говорит, то значит так и есть. Ему сейчас бессмысленно юлить или путать меня словами.

— Ты ведь прекрасно понимаешь, как все это можно решить, — тихо шепчу я, и грудь стягивает стальным обручем ревности. — Вить... У тебя есть отношения с другой...

Он неожиданно встает, шагает туда сюда и разворачивается ко мне.

— Нет у меня тех отношений, которые подразумевали того, чтобы я сейчас дочерей в них втягивал, — смотрит на меня прямо. — Может, тебе тоже стоит развернуться в сторону поиска, а? Тебе говорят, что ты должна бороться, а мне то, что ты ждешь меня, когда я вернусь.

— Но я тебя не жду.

— И ты им об этом говорила?

— Говорила.

— Они тебя слушают? — Виктор вскидывает бровь.

Я молчу. Нет, не слушают.

— И меня не слушают, — он разводит руки в стороны. — И мне истерики устраивают, Маша. Ты думаешь, мы этот сраный вулкан лепили неделю просто так? Штук пять мы растоптали, разбили, размяли и выкинули в папулю! И знаешь, что, — он наклоняется ко мне, — Я им говорил, что у меня сегодня будет встреча, — он щурится. — Вот тебе и результат.

— Так они знали... — тихо отзываюсь я. — Вот оно что...

— Ты хочешь, чтобы я притащил Ларису?! — он повышает голос. — Но ты уж прости, но рановато, Маш. Знакомство будет тогда, когда я пойму, что пора. Что я готов представить девочек другому человеку. Когда у меня будет уверенность, что есть смысл делать следующий шаг.

— Сейчас нет этой уверенности?

— Нет, — цедит сквозь зубы, вглядываясь в мои глаза. — И нет, Маша, я не уходил в существующие и построенные отношения, чтобы сразу свадьбу устроить.

— И долго ты будешь строить эти?

— Не знаю, — шепчет он и пар из его рта касается невесомой вуалью моего лица, — может, ничего не построятся. Может, с другой придется строить.

— С другой? — смеюсь я.

— А, может, к черту все эти отношения? — рычит он. — Заведу кота и буду спокойно себе жить.

— То есть по итогу выйдет, что ты от меня к коту ушел? — приподнимаю бровь еще выше.

— Выходит, что так, — коротко усмехается.

— Или же тебе сегодня от Ларочки прилетело, и ты поэтому о коте задумался?

— А ты так хочешь поговорить про Ларочку?

— А почему нет? — встаю. — От тебя ею разит. Ты же от нее приперся.

— А я не понял, — он вскидывает бровь, — это, что, ревность?

В груди вспыхивает искра злости и сердце сильно бьется о грудину.

— И ты зачем им сказал о своей встрече?!

— Так мне говорить или не говорить?!

— Я не знаю! Не знаю! Я просто хочу, чтобы все это закончилось так или иначе! Чтобы все затихло, чтобы я выдохнула, Виктор! Поэтому я и жду, что ты женишься! А то ты ни туда, ни сюда! Мне, что ли, мужика искать, чтобы наши дочери поняли, что все! Баста! Но... —

усмехаюсь, всплеснув руками. — Я боюсь, что все это не поможет, Вить. Ни твоя баба новая, ни мой воображаемый мужик! Да, можно сказать, что вырастут поймут, но не поймут. Смиряться, успокоятся, вырастут и в их жизнях появятся свои проблемы, но это разочарование останется навсегда, — выдыхаю и рявкаю, — навсегда, урод ты неблагодарный! Что ты, сволочь, наделал?!

Я кидаюсь на него под вспышкой гнева, который выстрелил из моей груди залпом.

— И ладно бы сам был довольным, козлина! — толкаю его в грудь, а он медленно отступает под моими ударами. — Получил то, что хотел! Так нет же! Не получил!

Я хаотично бью по груди, плечам, вынуждая отступать от крыльца в сторону калитки:

— И еще от тебя фонит! Ты скажи Ларисе, что у не отвратительный вкус к парфюму!

Перехватывает мои запястья, сжимает их, выдыхает через нос клубы пара и вглядывается в мои глаза:

— А если мне нравится этот парфюм?

— Не заливай, Воронин, — мне приходится встать на цыпочки, чтобы хоть немного повысить свою угрозу в его глазах. — Я знаю, что сладкие и приторные запахи тебя бесят.

— Все-то ты про меня знаешь.

Наши выдохи сплетаются в одно облако пара.

— Как облупленного, Воронин.

А затем у меня в голове всплывает наш первый поцелуй. У меня тогда также сердце стучало. И глаза у Виктора были такие же: расширенные зрачки, поволока...

— Проваливай, — выдыхаю я и цежу сквозь зубы. — Воронин. Вижу, твои похороны откладываются.

Глава 28. Не мое дело

— Соглашусь, — он кивает. — Мне пора.

— Ага, катись колбаской, Воронин.

И я понимаю, что если он сейчас сделает ко мне шаг, то я за себя не отвечаю.

Моя тоска принимает четкое желание его объятий, поцелуев и горячего шепота на ухо.

Я скучаю по нему.

И еще я хочу в отчаянии доказать ему, что со мной лучше, чем с Ларисой, от которой он приехал.

Господи, как же я хочу вырвать у жестокой реальности еще несколько минут с Виктором и забыться с ним.

Да, он меня разлюбил.

Я все это понимаю, но я жажду прикоснуться к его горячей коже, потереться о его щеку и прижаться всем телом к нему.

— Уходи, Вить, — шепчу я. — Зря ты приехал.

— Ты права, — он отступает.

— Как обычно, — я тоже пячусь к крыльцу.

Смогу ли я в будущем не видеть в нем любимого мужчину? Отпустит ли меня хоть когда-нибудь?

Или мне жить с этим до конца своих дней?

С этой кровоточащей раной и воспоминаниями, в которых я счастлива.

— Спокойной ночи, Маш.

Разворачивается и делает несколько шагов к калитке. Меня всю распирает от гнева на себя за свою слабость, на Виктора, на дочерей, на Ларису, которую мое воображение рисует в белом платье и рядом с моим бывшем мужем у алтаря.

Сука.

Премерзкая гадина.

— Виктор...

— Что? — оглядывается у калитки.

Я должна быть холодной и презрительной.

Но не могу.

Блин. Не могу. Как тогда, когда я этого тупого Воронина была учебником по его голове за то, что листы в моей тетрадке по математике сложил сердечками.

А я была аккуратисткой. Я тогда вспыхнула одновременно диким смущением и гневом.

Короче, была я его с большой и громкой любовью.

Как же сердце тогда стучало.

Виктор молча на меня прищуривается, и я с вызовом приподнимаю подбородок.

— Нам надо обговорить некоторые моменты нашей опеки...

Только не об опеке я хотела сказать, а о том, что Ларисе надо сменить парфюм.

— Да? — приподнимает бровь.

— Да, — киваю. — Я не хочу с тобой сталкиваться лбами вот так, — прячу руки в карманы халата. — Тебе, может, все равно, а мне нет. Мне и нашим девочкам нужны границы.

— Насчет “все равно” ты погорячилась...

— Тебя штормит, — вздыхаю, — но иначе, чем меня, — хмыкаю, — у нас выходит очень интересная ситуация. Не только я тебя потеряла, но ты и сам себя.

Молчание.

Вот оно что.

Мы оба потеряли Виктора.

— Мы тут будем оговаривать твои границы? — тихо уточняет он.

Что это? Он напрашивается на чай?

Сердце пропускает удар.

Я хочу ухватиться за этот момент, как за иллюзию того, что сегодняшняя ночь может толкнуть нас друг другу.

Нет.

Я обещала, что не приму его и не стану даже думать в этом направлении.

А еще он приехал ко мне в дом от другой женщины. Не настолько я жалкая, чтобы сейчас впускать его в дом на чай и разговор.

— Я тебе пришлю на и-мэйл письмо, — взгляда не отвожу.

— Тогда спокойной ночи.

Скрипит калитка, и Виктор выходит за территорию дома.

Почему мне сейчас кажется, что я должна остановить его? Что сейчас именно та ситуация, когда я могу перетянуть его к себе?

Если он потерял себя, то разве я не должна помочь ему найти себя?

Эти годы мы держались вместе, друг друга направляли, и все полетело к чертям, когда он решил в одиночку справиться с сомнениями и растерянностью в жизни, в которой ему почти сорок лет.

Слышу, как машина за калиткой уезжает, тихо шурша шинами обо асфальт.

И вот я готова уже подняться по крыльцу, как на меня налетают обрывки воспоминаний, в которых Виктор вечерами выпадал из реальности.

Не так часто и не посреди разговоров, но... бывало, что сидел и смотрел перед собой отсутствующим взглядом.

Когда я или дочки выдергивали его из этого состояния, то его ответ “Я что-то задумался. Да так, ничего важного” меня удовлетворял, потому что затем он вновь был собой. Улыбался, смеялся и...

Играл роль.

Он играл роль.

— Хватит, — прижимаю кулаки к вискам. — Он сам принял решение ничего мне не говорить. И все это сейчас — не мое дело. Не мое.

Я не хотела думать, что у моего мужа есть проблемы, в которых я бы сама растерялась?

Я могу выдержать безденежье, несколько работ, жесткую экономию и старые дырявые сапоги.

А апатию? Муторное чувство неудовлетворенности, когда все хорошо? Борьбу с демонами, которые отравляют душу привычкой, серостью и тоской по прошлому, в котором кровь бурлила, глаза горели и смотрели только вперед?

Я захожу в дом. Девочки опять стоят на лестнице, смотрят на меня и молчат.

— Спать идите. И я вас утром только один раз толкну, — распахиваю халат, в котором мне жарко и тяжело дышать. — Не проснетесь, то это ваши проблемы.

— Мам...

— Я не буду с вами сейчас вести разговоры! — повышаю голос. — Не буду! И терпеть ваши капризы! Я очень надеюсь, что вы в своей жизни не столкнетесь с подобным, чтобы вы поняли в каком я сейчас состоянии! Есть вещи, которые можно понять только на своей шкуре, но не дай бог! Не дай бог, девочки!

— Пошли, — Лиза разворачивается и поднимается по ступенькам.

Даша и Надя поджимают губы и следуют за ней. Хрупкие, худенькие, но с яростной надеждой в груди, что все можно исправить, если постараться.

— Я люблю вас...

Оглядываются.

Если эта надежда потухнет, то после нее на всю жизнь останутся ожоги и рубцы.

— И вы сейчас должны немедленно ответить, что тоже любите мамулечку, — недобро щурюсь я.

— Мы тебя любим! — зло отвечают девочки, и сейчас я вижу в них тень упрямого Виктора.

— Вот теперь точно спать, — киваю я.

— А мы и идем!

Топают ногами, исчезают в коридоре, а я иду в гостиную. Сажусь на диван, подхватываю ноутбук и открываю его.

Я должна поставить границы. Создаю новый документ и касаюсь клавиш:

— Итак, пункт первый.

Глава 29. Тебе советы не раздать

Паркую машину и глушу мотор. Крепко зажмуриваюсь, а после расслабляю лицо, чтобы прогнать напряжение.

Меня ждут веселые ночные часы за вулканом, которым я прикрою свое недоумение происходящим.

Я хотел поцеловать Машу. Хотел зарыться пальцами в ее волосы, стянуть их, запрокинуть ее голову и вьестись в ее губы.

Какого черта?

Это желание было ярким, горячим и на грани отчаяния, будто этот поцелуй мог спасти меня от смерти.

И нет сейчас Маши в моей голове, потому что реальная Маша другая. Она не ехидная стерва и громко не смеется надо мной.

Лезу во внутренний карман пиджака и выуживаю из него небольшой мешочек из черной прозрачной органзы.

В нем два белых кубика из соевого воска.

Усмехаюсь.

Это ароматизатор для шкафов. И да это он сладко и приторно пахнет.

Луговые цветы, но нет тут свежести лета или лугов.

Мне этот мешочек сунула секретарша. Ее дочка решила заняться мыловарением, свечками и прочей ерундой для дома.

Сунула и сказала, что можно и в машине повесить. И будет у меня в машине обалденно пахнуть.

Да, секретарша у меня женщина толковая, пробивная, но у нее явные проблемы с оценкой запахов.

Я сунул мешочек в карман пиджака и забыл о нем. Да, сейчас я четко ощущаю сладкий и густой аромат, но эти дни я был замотан и ни к чему особо не принохивался. Меня что-то беспокоило, когда открывал шкаф, но я в принципе сейчас весь дерганный и раздраженный.

Не шлюха моя виновата.

Нет, конечно, у Ларисы тоже парфюм сладкий и сомнительный, но не она меня пометила, чтобы Маша так злилась.

А она злилась.

Я мог, конечно, мешочек вытащить, но не стал. Я же не обязан перед ней оправдываться.

Она мне — бывшая жена.

В тапочках, халате и шапке, которую я хотел сорвать с ее головы, а потом бы я схватил за волосы и...

— Довольно, — кидаю мешочек с восковыми кубиками обратно в карман.

Вибрирует телефон. Пару секунд пялюсь в экран. Еще Юры сейчас не хватало.

— Слушай, меня жена выгнала, — говорит он, когда я отвечаю. — Ну, как выгнала... Я сам ушел, пока она там бесится.

— Не понял.

— Чего тут непонятного, — вздыхает Юра. — Меня застучали посреди ночи с жирной котлетой. Ну и понеслось. Задолбала она меня. Ну вот. Какие планы?

— Три часа ночи?

— Ну и что?

— Вулкан буду лепить для дочерей.

— Я с тобой.

— Нет.

- Окстись, мне негде переночевать.
- Да неужели? — выхожу из машины и захлопываю дверь.
- А еще поплакаться в жилетку, — вздыхает Юра, но я не слышу в его голосе печали.
- Вить, не выживайся. Обсудим жен.
- Я уже в разводе.
- Бывших жен куда приятнее обсуждать, чем нынешних.
- Да нечего мне обсуждать.
- Значит, будешь слушать! — рявкает Юра. — У меня куча друзей, но ты один единственный в разводе!
- Да вашу ж мать, — сжимаю переносицу. — Юр, серьезно, отвали ты от меня. У меня день сегодня дерьмовый. Дочери истерят, бывшая вулканы пинает, а та, из-за которой все это я заварил, мозги лижет.
- Лижет?
- Пока ложкой ковырятся ей в моих мозгах не положено, — цежу я сквозь зубы. — Вот и извращается.
- А говоришь обсуждать нечего, — Юра вздыхает. — Мне вот жена сегодня ничего не лизала. Сразу нож в мозг по рукоять.
- Если ты приедешь, то ты со мной будешь лепить вулкан.
- Пальцы у меня толстые, конечно, но ловкие, — молчание и шепот. — Двусмысленно прозвучало, да?
- Прекращай.
- Ты не шутник, да?
- Нет.
- Я же говорю, ты у меня особенный. И именно ты мне сейчас нужен, Вить. Ты, твой вулкан и твое занудство. Я серьезно, Вить. Я кричу о помощи. С остальными-то мои шутки перевешивают, я за них прячусь, а с тобой не пошутишь. Ты, вообще, страшный человек, Вить. Вот страшный человек мне и нужен сейчас. Я рядом с тобой как-то себя сразу в руки беру. Приосаниваюсь, чтобы не разочаровать тебя.
- Что ты несешь?
- Все-то меня всегда слушают, я советы раздаю, а тебе советы не раздать, — Юра цыкает. — На одном месте ты вертел чужой жизненный опыт. — Нет. Ты сам с усами. Ты мой бриллиант среди остальных.
- Ты либо прекращаешь поясничать, либо пошел далеко и надолго.
- Понял, — шепчет Юра. — Согласен. Я перебарщиваю часто. Вить, говори адрес. И ты не поверишь, только о тебе я не знаю таких подробностей.
- Чего? — хмурюсь я.
- С тобой я нос свой не сую в твои дела. Вот как так?
- Это должно меня впечатлить?
- Да.
- Массирую переносицу. Один я вряд ли успею вулкан слепить. И дела даже не в вулкане, а в крохотных деревцах, на которые уйдет уйма времени.
- Диктую адрес, и Юра расслабленно выдыхает:
- А у тебя есть, что пожрать? А то котлету у меня забрали.
- Не забирала ведь у тебя жена котлету?
- Нет, — недовольно отвечает Юра. — Я просто что-то подустал. Я задержался на встрече. Будет скандал. Я ведь вызверюсь на жену. Не буду сегодня терпеть ее недовольство. Вот прям вызверюсь. И даже если будет милой и хорошей, получит по первое число.
- За что?

— Просто так. Ты же должен меня понять, нет? Надо переключиться. Хотя бы на твой вулкан дурацкий. И про пожрать ты мне не ответил.

— Есть. Не котлеты. Креветки, паста, чечевичный суп...

— Все, еду. Больше ни слова.

Глава 30. Вот как с таким жить?

Юра открывает мешочек с восковыми кубиками, принюхивается и достает один, а затем кидает его в рот.

Зря я выложил эту вонючку на стол.

Юра жует и бубнит:

— Говенная какая-то конфета, Вить, — кривится. — Раньше ведь нормальные делали ириски.

— Это не ириска, — кладу на стол картонку.

— А что это? — продолжает жевать. — Какая-нибудь новомодная херня с марципаном?

Поднимаю взгляд и говорю:

— Это соевый воск, Юр. Ароматизатор для шкафов.

Юра медленно моргает, выдергивает из нагрудного кармана платок, встряхивает, уничтожительно глядя на меня, и выплевывает в платок разжеванный воск.

— Ну и козел же ты, — сворачивает платок и откладывает в сторону. — Я аплодирую твоему козлячеству стоя.

— Ты в следующий раз спрашивай, что ты собираешься сожрать, Юр, — взгляда не отвожу.

— Справедливо.

Кладу перед ним мешок с небольшими тонкими веточками и бутылочку клея:

— Сделай из этого десять деревьев. Сантиметров по десять.

Затем поднимаю с пола пакет с глиной.

— Мы сейчас реально будем заниматься детской поделкой?

— Ага.

— А поговорить?

— Ну, говори, — закатываю рукава рубашки и вываливаю на картонку влажную глину.

— Говори и делай деревья.

— Серьезно?

— Да, Юра, — вновь поднимаю взгляд. — Я очень серьезен. Палочку к палочке приклеи-
вай. Потом покрасить вату и прилепить к веточкам. Все охренеть как серьезно.

— Понял, — Юра высыпает веточки на стол. — Господи, Вить, у меня аж сердце куда-
то в трусы закатилось и не выкатывается обратно. Злющий, как черт.

— Это я еще не злой.

— То есть у меня есть шанс сегодня найти смерть в твоей квартире, если не справлюсь с заданием?

— Тормози со своими шутками.

— Ясно, — Юра обиженно шмыгает и подхватывает две веточки. — А вообще, как дела, Вить?

— Кота, подумываю завести.

— Чего?

— У сильного независимого мужика должен быть кот, — разминаю глину.

— Ясно... Ну а кроме кота... как дела? Как там новая любовь? Лямур-тужур? — делает паузу. — Отымел ты ее нет?

— А почему тебя так волнует этот вопрос, — сминаю глину в пласт и поднимаю взгляд.

— Ну а о чем говорить мужикам еще? О бабах.

— Нет, я ее не отымел, — спокойно отвечаю я.

Юра откладывает веточки, откручивает крышечку от бутылки с клеем, подозрительно на меня поглядывая, а потом задает вопрос:

- А что так?
- Любишь ты копать в грязном белье, Пастух, — хмыкаю я. — Своего нет?
- Мое знакомое и родное. Все пятна знаю.
- Думаешь, у меня грязные трусы повкуснее?
- Определенно, Вить, — выливает немного клея в крышечку, макает одну веточку и прикладывает ее к веточке потолка. — Ты другой. Знаешь, раньше было модно называть некоторых детей индиго, — переводит на меня взгляд. — Ты у нас мужик-индиго.
- Леплю конус и приклеиваю его к картонке.
- Ты мне так и не ответишь?
- Не увидел целесообразности в соитии с лямур-тужур, — подхватываю пакет с песком.
- Что тут непонятного?
- Что?
- Что слышал, — засыпаю песок в вулкан через узкое отверстие. — Леня одолела после бокала красного.
- Не понял.
- В воспоминания ушел, — откладываю остатки песка и лезу под стол за красным порошком.
- Состав простой. Краситель, сода, лимонная кислота.
- В какие воспоминания?
- В такие, где жирные чебуреки из ларька, — перевожу взгляд на Юру, — были куда вкуснее сраной фуагры с черной икрой, а квас из ржавой бочки раскрывался таким букетом, который не раскроется в бутылке с Монтраше.
- С этим согласен, — Юра кивает. — Только я не чебуреки любил. А пирожки с картошкой. Так и не могу найти тех самых. И никто приготовить не может, Вить. Да я за эти пирожки бентли бы отдал. Господи... да что там! Я бы сердце свое вынул и вложил в эти руки, если бы...
- Он замолкает и смотрит на меня, не моргая:
- Вить, да я после этого пирожка и компота с песочком был бы готов умереть.
- Слушай, Пастух, ты нищим никогда не был, — щурюсь я. — Я в курсе, кто и что ты.
- Да что ты будешь с тобой делать, — возмущенно хлопает по столу.
- Ты свои бабки, карьеры от отца унаследовал, — прищуриваюсь. — Ты фуагра, поди, на завтрак жрал и запивал все это кровью единорогов.
- Ну, допустим, — Юра склеивает веточки. — Но пирожки в моей жизни были. Целую неделю моего смелого побега из дома. Потом были дикие тумаки от отца, но о них не скучаю... — отвлекается от веточек и задумчиво смотрит перед собой, — хотя нет, скучаю. Я тогда был полон решимости уделать его. Никого не хочу сейчас так до кровавых соплей отмудохать. Никого. Как-то все, — смотрит на меня, — вяленько теперь. Только для порядка, только, чтобы не наглели... А того чувства порвать на части нету. Как и пирожков с компотом. Но... — он моргает, — кое-что меня сегодня удивило.
- Что?
- Твои ириски, которые не ириски. Я бы и вторую сожрал, — медленно кивает, — чтобы убедиться, что херня твои конфетки... Но давай вернемся к фуагра и Монтраше.
- А ты сам к жене чего не поехал? — прищуриваюсь.
- Я же сказал. Не в настроении я сейчас перед ней оправдываться. Любимые женщины утомляют, — Юра цыкает. — Держать себя в руках рядом с любимыми тяжело. Держишься, держишься, а потом раз и сожрал.
- Завтра орать будет еще громче, — невесело отзываюсь я.
- Я опять к тебе вернусь, если опять крышечка засвистит.
- Да нахрена ты мне тут?

— Мы еще чего-нибудь в школу для твоих дочек наклеим, — приступает к очередному деревцу. — Смастерим, — опять смотрит на меня. — Продинамил ты, короче, любовь свою. Ей, наверное, обидно.

— Нудная она.

— А ты прям весельчак.

— И прям вся из трусов рвется.

— А тебе подавай неприступных.

— Не в этом дело, Юр, — пожимаю плечами. — Инициативу пытается каждый раз перехватить, и лезет в личное.

— Прям как я, — Юра щерится в улыбку.

— Но ты при этом в спине не выгибаешься, глазками не стреляешь, не хитришь, не юлишь и томно не улыбаешься.

— Какой ты капризный.

— В стороне она была другой, — макая кисть в клей и касаюсь картонки. — Я видел в стороне ее другой.

— Какой?

Смотрю на Юру, замерев с кистью над картонкой.

— Могу томно улыбнуться, если это поможет тебя разговорить. И пострелять глазками.

— Зачем тебе это?

— Отвлекает, Вить, — шепчет Юра, — отвлекает моих демонов. За тебя буду переживать, и на себя не будет времени.

— Не надо обо мне переживать.

— Это не по доброте душевной, Вить. Не из-за симпатии или желания срочно укутать тебя в одеялко и налить чаю. Кто-то ток-шоу смотрит со скандалами и отдыхает, а я вот так.

— Я не хотел уходить из семьи, Юр, — тихо отвечаю я. — Я хотел признаться, я хотел поговорить... но после некоторых признаний разговоры невозможны. Когда я Маше сказал...

— А ты не пробовал быть деликатным?

— Я планировал быть деликатным, — размазываю клей по картонке, — но не вышло. Когда я пришел для разговора... Я открыл рот и все прямо сказал. Было облегчение, а потом я понял, что после таких слов мы разойдемся. Для уверенности в этом я еще сверху накидал признаний, — прохожу кистью по основанию вулкана.

— Каких признаний?

— Что она мне как сестра и мамка.

— Точно, да, — Юра откладывает новое деревце в сторону. — Хуже не придумаешь, — смотрит на меня. — Лучше бы ты просто бабу на стороне завел.

— Тогда вот тебе ответочка, — подхватываю пакет с зеленой имитацией травы. — Тебе бы сейчас в сауну со шлюхами, — посыпаю травой картонку, — как в старые добрые времена, Пастух, — перевожу на него взгляд. — Ты же так свой досуг обычно проводил и не лез к другим за разговорами. Это ты сейчас что-то ко всем подползаешь и мозги моешь. Про ценность семьи навешиваешь и прикрываешься, что козлом-то с другими женами был, потому что любил одну единственную и долго ждал ее. И ты считаешь, это тебя оправдывает? И зная тебя, Пастух, не женился ты на тех женщинах, которые тебя не любили. И ты принимал их любовь, жрал ложками, а когда надоедало, просто выпинавал их из своей жизни.

— Может, я надеялся и верил, что их любовь исправит меня?

— Самому-то не смешно? — вглядываюсь в его глаза. — И вот, теперь вопрос, ты нанюхался моего грязного бельишка? Или ты еще ждешь порции?

— Офигеть, Вить, — шепчет Юра. — Я захотел дать тебе в нос.

— Да неужели?

— Мне ответить тебе нечего, — шуруется. — Говорю же, мужик-индиго. Ой, стой, — он прищуривается еще сильнее, — мне есть, что ответить. Я придумал.

— Ну, валяй.

— Хорошо, что ты избавил жену от себя. Вот как с таким жить, а?

— Ты ждешь, что я тебе сейчас в рожу дам? — вскидываю бровь.

— Да.

— Я дам тебе в рожу, если мы не успеем вулкан привести в божеский вид, — хмыкаю я.

— Мне надо впечатлить жену и дочерей, какой я ответственный. Сколько деревьев готово?

Глава 31. Вулкан

Дочки молчат, и я молчу.

Все утро молчали. На мои вопросы отвечали односложно и не поддерживали диалог. Ну я и плюнула.

Мы все имеем право сейчас молчать, злиться и обижаться.

Я тоже.

Я стараюсь быть разумной женщиной, которая лавирует среди острых скал на маленьком плоту и пытается минимизировать последствия крушения корабля “Семья”.

А мне устраивают диверсию за диверсией.

Под утро я задремала с ноутбуком, и мне сквозь сон показалось, что рядом сел Виктор и обнял меня, но потом я проснулась от будильника на влажной от слюней подушке.

Меня постигло такое разочарование, что я вцепилась в себе в волосы и пнула журнальный столик.

Неудачно пнула. Весь удар пришелся на мизинец, и теперь он болит.

Паркую машину среди остальных авто, из которых выпархивают школьники и бегут к воротам школы. Кое-кого мамочки обнимают и тискают на прощание.

— Это папа? — шепчет Лиза.

— Да, это он, — отвечает Даша.

С крыльца школы неторопливо спускается Виктор. Накидывает на шею шарф поверх пальто, а затем ловит мальчишку, который чуть в него не врезался.

— Да ешки-матрешки, — сжимаю руль.

Мальчик убегает, а Виктор продолжает путь. Прячет одну руку в карман пальто.

— Мы любим тебя, — Даша спешно целует меня в щеку и выныривает из машины. — Папа!

Лиза и Надя с задних сидений неуклюже поддаются по очереди ко мне, чмокают в щеку и тоже на улицу выскакивают.

И пофиг, что рюкзаки забыли.

Там же папа.

— Папа!

Бегут, машут руками, ловко оббегают других детей и подростков.

Я склоняюсь к идее, что бывших мужей надо убивать, чтобы потом они не маячили перед глазами такие вальяжные и с размашистой походкой.

Наблюдаю, как девочки подбегают к Виктору у ворот школы, скачут, обнимают его среди потока школьников, и стискиваю зубы, когда наши взгляды встречаются.

Да он издевается.

Я только ночью просила его не пересекаться со мной без надобности, а он все пропустил мимо ушей.

Ему нравится делать мне больно?

Нравится красоваться передо мной?

Не зря богомолихи откусывают головы богомолам. Богомолихи знают о жизни больше, чем женщины. Надо сжирать своих партнеров, потому что потом они могут стать занозой в заднице.

Слишком долго он смотрит на меня, а я на него, но я не отведу взгляда. Почему я должна уступать?

Сердце аж к глотке подскакивает пульсирующим плотным узлом.

Выдыхаю, когда Виктор наклоняется к девочками и что-то говорит. Они округляют глаза и бегут к машине.

О рюкзаках напомнил?

— Блин, забыли, — девочки через несколько секунд заглядывают в машину, хватают рюкзаки, и Лиза взбудораженно шепчет. — Папа вулкан привез. Двойки не получим.

— Говорит, ночью вулкан сделал, — Надя немного запыханная. — Блин, я уже готовилась мазаться, что мы ничего не успели. Все, мам, пока.

Хлопают дверцы. Вновь бегут к Виктору.

Опять объятия на прощание с папулей-героем, который спас дочек от двоек, и машут мне руками. Я поднимаю ладонь, сдержанно улыбаюсь и медленно сдаю назад, чтобы выехать с парковочного места.

Мимо пролетает черный хэтчбек, чуть не задевает меня, и я стискиваю руль еще крепче:

— Вот сука.

Виктор кивает мне в знак запоздалого приветствия.

— Пошел к черту, — цежу сквозь зубы, и он усмехается, будто услышал мои слова.

Я бы не хотела, чтобы он сейчас подошел к моей машине, постучал по стеклу и лично поздоровался.

Нет, мне этого не надо.

Но я злюсь, будто я ждала от Виктора большего, чем просто ленивого кивка головой.

Наблюдаю, как он разворачивается и шагает прочь.

— Ну и катись, урод.

Выезжаю с парковочного места, преисполненная разочарованием.

И ведь он ведет себя так, как я этого хочу. Не полез ко мне с лишней приветливостью, ненужными разговорами, однако это жутко бесит.

Всю дорогу я прокручиваю в голове его ухмылку, кивок и матерюсь под нос. Я и подумать не могла, что знаю столько хитрых и вывернутых ругательств.

Через минут сорок я зло стучусь в стеклянную дверь, над которой висит красивая табличка “скоро открытие”.

— Да е-мое, — шиплю под нос и лезу в карман за телефоном, — я же предупреждала, что буду...

Вижу как из глубины моей будущей супер-пупер модной ногтевой студии шагает прораб Андрей. Открывает дверь, и я натянуто улыбаюсь:

— Доброе утро.

— Доброе, — он тоже улыбается.

Крупный мужичок лет сорока, который, возможно, раньше занимался спортом, а потом раздобыл. Джинсы, синий свитер мелкой вязки и небольшие залысины.

— Закончили? — спрашиваю я и проплываю мимо Андрея.

— Да.

В пустой студии пахнет свежей краской и побелкой. Меня немного отпускает, пока я хожу и заглядываю в каждый угол в поисках косяков.

Но я их не нахожу.

Эта студия, как и остальные, будут выдержаны в простом и лаконичном стиле. Белые стены, белые столы и кресла, обитые пудровым бархатом.

— Можно мебель заказывать, — захожу в дальнюю небольшую комнатку, которую я оборудую под склад. — Сюда стеллажи...

Понимаю, что Андрей стоит за моей спиной. И очень близко. На руках и загривке волосы встают дыбом от нехорошего предчувствия.

— От тебя хорошо пахнет, — голос у Андрея хриплый и он касается моих волос шумным выдохом.

От тебя. Когда мы успели перейти на “ты”?

— Отойдите.

И я будто со стороны наблюдаю, как потная мужская ладонь зажимает мой рот, а тонкие губы шепчут:

— Ты сама этого хочешь... не зря так жопой крутила передо мной...

Я после признаний Виктора истошно кричала и крушила дом.

А сейчас лишь мычу с широко распахнутыми глазами. Андрей валит меня на пол. Я вскидываюсь под его тушей и получаю тяжелую оплеуху по уху. В голове звенит, и на несколько секунд в глазах темнеет.

Я чувствую, как трещит по швам моя юбка.

Нет.

Я не хочу.

— Надушилась, сука, блузку прозрачную надела... И каждый раз что-то новенькое... взгляды... знаю я таких шлюх...

Нет.

Я вела себя всегда прилично и вежливо. Без намеков. Ладонь Андрея пахнет известью и цементом.

В голове вспыхивает, как он закрыл дверь, опустил жалюзи и забрал ключи.

Вторая рука лезет мне под юбку, и я вновь брыкаюсь, мычу и тону в ужасе, а потом мои легкие обжигает рваный вдох.

Кто-то буквально срывает Андрея с меня.

Я неуклюже отползаю, захлебываясь слезами, и забиваюсь в угол.

Виктор за шиворот отбрасывает Андрея к стене и наносит по его удивленному лицу удар.

Глава 32. Вот это страсти

Молчаливый удар за ударом. Брызги крови, которые веером из точек оседают на белых стенах.

У Андрея не выходит отбиться.

Это бессмысленно.

У Виктора поставлен удар.

В секции единоборств, на улице, в университетских драках и агрессивных встречах с такими же придурочно-амбициозными выскочками.

Я слышу хруст, стоны и хрипы. Виктор не останавливается. Глаза пустые, лицо бледное, как алебастровая маска.

Его истинная ярость не про красные пятна на щеках или лбу, не про расширенные

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.